

Александр Холми

ДНЕВНИКИ
СЫНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ИЛИ
ХРОНИКА
КУМРАНСКИХ МАНУСКРИПТОВ

Александр Холин

**Дневники сына
человеческого, или Хроника
Кумранских манускриптов**

«Автор»

2014

Холин А. В.

Дневники сына человеческого, или Хроника Кумранских манускриптов / А. В. Холин — «Автор», 2014

В годы, когда закончилась Великая Отечественная война, один из еврейских пастухов, пасший коз в районе Мёртвого моря в Израиле, обнаружил в открывшейся после землетрясения пещере старинные амфоры, в которых вместо ожидаемого золота он обнаружил древние свитки. Несколько из манускриптов он сумел продать на чёрном рынке, остальные же у него конфисковало правительство. Кумранских рукописей больше никто не видел, но прошёл слухок, что эти свитки были когда-то написаны самим Иисусом Христом. Все чёрные археологи кинулись шарить по множеству пещер возле Мёртвого моря, однако никто ничего не находил до наших дней. Однако русским археологам сопутствовала удача: в их руках оказались дневники Сына Человеческого, но пришлось бежать от преследователей. Перед беглецами возникла дилемма: либо быть последователями Иисуса Христа, либо, пройдя его дорогой, выбрать альтернативный путь развития. Но пока что всем троим пришлось тайком уезжать из Израиля, потому что боевики из Ватикана и масоны устроили охоту на археологов, желая получить уникальные документы для своих целей. Видимо, иезуиты боялись публикации текстов, масоны же наоборот хотели развенчать христианскую веру.

© Холин А. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Холин
Дневники сына человеческого или
Хроника Кумранских манускриптов
Апокриф

Как ни злы люди, они всё же не осмеливаются открыто преследовать добродетель. Поэтому, готовясь напасть на неё, они притворяются, будто считают её лицемерной, или же приписывают ей какие-нибудь преступления.

Франсуа де Ларошфуко

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Этот день почти ничем не отличался от сотен и сотен предыдущих, проскользнувших по столице суматошными суетливыми тенями. И всё-таки среди мешанины важных и не очень заметных событий можно было обнаружить крупницы чистой истории, из которых природа ткала полотно минувшего прошлого. И, может быть, именно такой крупницей была встреча любопытной парочки за столиком одного из многочисленных московских ресторанов.

Они пришли в ресторан вместе, но, кажется, не совсем близко были знакомы, ибо пока читали меню, выбирая кушанья, нет-нет, да и бросали украдкой оценивающие взгляды друг на друга.

– Я не знаю, интересной вам покажется моя книга, или же попадёт в разряд проходных шаблонов, – решил нарушить парень затянувшееся молчание, – но я всё же очень благодарен вам хотя бы за то, что не отказались разделить со мной трапезу.

– Ух ты, как оригинально, – улыбнулась девушка. – Но, кстати, женщины редко отказываются от ни к чему не обязывающих подарков. Или ваше угощение – это всё-таки путь к благосклонности редактора?

– Видите ли, – смутился парень. – Я действительно рад, что вы согласились на моё предложение, только не вызывайте меня на неоткровенность. Думаете, я начну отнекиваться, мол, что вы, что вы, никакой задней мысли у меня нет, и не было? Ведь так? Все равно не поверите, да и неправда это будет. Но честно скажу, я рад вашему обществу и надеюсь, что книга моя вам понравится без ресторанных подарков, авторских ухищрений и прочая. С другой стороны, у меня была всё-таки весомая причина пригласить вас в ресторан. Сомневаюсь, что просто так вы бы согласились пойти отобедать с первым встречным. Ведь так?

– Так, так, – кивнула его собеседница. – Я действительно давно не была в ресторане, поскольку не хожу по приглашению первого встречного.

– А второго?

– И второго тоже, – рассмеялась девушка. – Но вы уже не первый раз штурмуете наше издательство. И почему именно у нас вы захотели издать свою книгу? Сейчас издательств много и можно найти, где вас примут с первого предъявления.

– Да, я знаю, – согласился парень, – но вы, Настенька, ой...

Парень поперхнулся, потому что до сих пор он свою спутницу называл только Анастасией Николаевной – к главному редактору довольно крупного столичного издательства по-другому нельзя. Девушка тоже заметила промашку потенциального автора и с усмешкой наблюдала, как тот наливает себе в стакан минералку, запивает всё спасительными глотками и отыскивает весомые оправдания.

– Ничего, Ярослав, ничего, – пришла она к нему на помощь. – Мы ведь не на территории офиса. Зовите меня просто Анастасией. Так на чём мы остановились?

– На издательствах, – отдуваясь, напомнил Ярослав. – Я хотел сказать, что вы, Анастасия, заработали своему издательству рейтинг исторически правильного, неподкупного центра, не соглашающегося на публикацию того же американского Дэна Брауна, которого и писателем-то назвать можно с большим трудом, но которого большими тиражами выпускает АСТ. Или, скажем, Донцову, Шилову, Маринину, которых веером штампуют в издательстве «Эксмо».

– Ну, вы, положим, не знаете, что и у нас мусору много выходит...

– Но не так много, как у ваших коллег, – перебил даму её собеседник. – Что ни говори, а заработать статус благородного издательства – на это надо много сил, возможностей, желания и, главное, умения. У вас это получилось на все сто, поэтому, зачем мне искать что-то или кого-то, если есть королева издательского мира?

– М-да, – хмыкнула Анастасия. – Но, если хочешь, чтоб рядом была королева, постарайся сначала сам стать королём, как говорят в народе. Или вы уже считаете себя королём литературы или развлекательного бизнеса, как, скажем, заграничный Стивен Кинг или его коллега Стивен Спилберг?

– Вовсе нет, – мотнул головой Ярослав. – Просто в руки обыкновенному человеку попадают иной раз такие материалы, что не поделиться полученным знанием с ближними – это просто преступление.

– Именно такова ваша книга?

– Ну, может быть, она не так уж необходима нечитающим. Может быть, лишь думающим найдётся здесь пища для ума. Мне так кажется. Причём, я постарался преподнести сюжет с криптографическим уклоном, дескать, мне никогда не добраться до логики вещей, тем более до настоящей истины, а вот мой читатель, думающий и сообразительный, всё поймёт, обо всём догадается и, может быть, укажет когда-нибудь мне на решение проблемы, то есть на незамеченную истину.

– Да, я вас понимаю, – кивнула его собеседница. – Только за годы работы в издательстве я по роду службы не раз сталкивалась с авторами всех ранжиров и апломбов. Так вот, ни одного из авторов нет, не было и не будет, который не станет утверждать, что его книга – наиболее актуальна, интересна и нужна на сегодняшний день бедному голодному читателю. Что именно его труды вызовут небывалый, даже глобальный интерес, под который срочно и просто необходимо увеличивать тираж минимум до ста тысяч экземпляров.

– Хорошо, хорошо, – согласился автор. – Только слышали ль вы, чтобы кто-то, где-то рассказывал о жизни Иисуса Христа до тридцати лет? Ведь в Евангелие, по сути, описаны последние три года жизни Сына Человеческого.

– Почему? – удивилась Анастасия. – В Евангелии от Иоанна описывается, как родители впервые привезли мальчика в Иерусалим на праздник. Тогда Иисусу было всего двенадцать лет. Он всенародно обличал в храме саддукеев и фарисеев. Все удивились, откуда у ребёнка такой ум? И далее написаны были апокрифы, Евангелие от Фомы, от Марии, где разные свидетели, либо сподвижники описывают жизнь юного Сына Божия. К сожалению, многие из апокрифов утеряны, а оставшиеся не были канонизированы на Никейском соборе, поэтому к ним мало кто обращается. Но они всё-таки существуют.

– Да, я знаком с этой литературой, – вздохнул Ярослав. – Только в том-то и беда, что все существующие «свидетельства» написаны много позже пребывания Сына Человеческого на земле. Никто или почти никто из именитых летописцев не упоминает о том, когда мальчик учился в монастыре ессеев, не упоминают его паломнической поездки на Тибет, а оттуда – в Аркаим, столицу Сибирского царства Десяти Городов. Никто даже не упоминает о том, что Иисус умел писать и сам иногда заносил свои мысли на пергамент.

– Ого! – воскликнула девушка. – Вы, я вижу, дали волю своей фантазии и внесли в книгу много таких вещей, проверить которые просто-таки невозможно. И если в ней речь идёт о младенчестве и юношестве Иисуса Христа, то где мне взять подтверждающий материал? Ведь Сын Божий – это не какой-нибудь агент 007 из Голливуда. Против исторически неподтверждённых материалов восстанет весь нынешний христианский мир, и католическая инквизиция постарается затащить на костёр не только автора, а так же и редактора, посмеявшихся замахнуться на неприкасаемое.

– Я понимаю вас, – горько улыбнулся Ярослав. – Ещё как заташат. Недаром инквизиторы до сих пор хвастаются, что всего за сто пятьдесят лет сожгли более тридцати тысяч опознанных ими еретиков. Но никто из них не упоминает о том, что первая реальная церковь возникла только 140 году новой эры. Её основателем был богатый судовладелец Марцион. Он полностью отвергал Ветхий Завет и впервые обозначил все воспоминания апостолов словом Евангелие, то есть Благая Весть, но признавал только труд апостола Луки. В его церкви появилось пер-

вое Священное Писание, где очень большое внимание уделялось апостолу Павлу. По мнению Марциона христианство должно вытеснить всё, связанное с еврейскими традициями Ветхого Завета, в том числе и книги пророков.

Он говорил, что Иисус явился, чтобы указать Новый путь, но не оглядываться на старый. За это Марцион, как первый основатель церкви Христовой и первый еретик был отлучён официальной церковью в 1141 году. А всякое упоминание о нём считается с тех пор богохульством.

Почти в то же время, кажется в 180 году Ириной Лионский выпустил пятикнижие «Против ересей», в которых впервые были собраны вместе только четыре Евангелия, существующие поныне. Также впервые Ириной Лионский даёт понять, что объединённая и централизованная Церковь является мерилем истины. Всякая децентрализация являлась свидетельством заблуждений. Под этот ярлык угодила и Россия, несмотря на то, что христианство на Руси зародилось не от князя Владимира, внука княгини Ольги, а от апостола Андрея Первозванного. Помните, некоторые гарные украинские парубки до сих пор не отрицают, что Киев-град зарождён был с лёгкой руки Андрея Первозванного, воздвигнувшего крест на киевской возвышенности.

К тому же, вы сами, Анастасия, только что упомянули о Никейском соборе. Он, вроде бы, состоялся в 320 году. Именно на нём были сформированы критерии, по которым впоследствии стали отбираться тексты Нового Завета, а остальные рукописи обозначались как еретические апокрифы. Всё противное Никейским догмам подлежало уничтожению.

– Вы, молодой человек, отменно владеете историческим материалом, – хмыкнула Анастасия. – Похоже, в архивных анналах вы докопались до сути религий различного толка и готовы эту информацию преподнести народу как небольшой атомный взрыв местного значения, не задумываясь при этом, что может произойти переворот сознания у большей части населения планеты. Этого в первую очередь не допустит католическая церковь, ибо «разделяй и властвуй», но не покушайся на догмы. Может, вы готовы объявить преступниками, еретиками и стяжателями власти все известные ныне конфессии?

– Ну, не все конечно, – пожал плечами Ярослав, – но довольно многие совершают преступления «во славу Божию». Скажем, те же иезуиты и масоны, прикрываясь крестом и именем Божиим, до сих пор совершают настоящие убийства, попирая шестую Заповедь – Не убий! Иезуиты отличились тем, что ранее с 1234 года они были известны как орден доминиканцев, основанный Домиником де Гусманом. Чувствуете?

– Что именно?

– Фамилия настоящего заинтересованного лица. Гусман – испанский еврей, поставивший своей целью уничтожение всех еретиков попавших в его лапы. Но костры «святой» инквизиции наибольшее распространение получили только в пятнадцатом веке. Кстати, французы тогда же радовались сожжению Жанны д'Арк, ведьмы, избавившей страну от английской интервенции.

А масоны, бывшие тамплиеры, впервые проявили себя уничтожением катаров.

– То бишь, еретиков? – ядовито усмехнулась Анастасия.

– Да, если клан катаров, где люди воспитывали детей исключительно с любовью к ближнему, можно назвать еретическим. Катары принимали в свою веру любого, кто отказывался от погони за властью, насилия и поклонения Золотому тельцу. Развалины их последней крепости Монсегюр в Пиренеях между Францией и Испанией сохранились по сегодняшний день. Но масоны после сожжения Жака де Моле, тамплиеровского гроссмейстера, никогда уже не были отдельным органом социального значения. В ложи масонов входят люди различных сословий, каст и верований. Да-да, я не оговорился. У этого вида человекоподобных каннибалов одна задача: поставить весь мир на колени и контролировать дыхание каждого, живущего на земле. Поэтому для достижения цели у них все средства хороши. Недаром же промасонская еврейская Америка 11 сентября 2001 года «позволила» совершить террористический акт бен Ладену. После этого Усаму бен Ладена объявили террористом номер один, а ФБР и ЦРУ вместе с правительством США получили возможность безнаказанно хозяйничать в любой стране нашей пла-

нет, прикрываясь борьбой с терроризмом. То есть в силу вступил старый иезуитский приём: делать собственные делишки, прикрываясь чем-то значимым, например, крестом.

Тут уж выбор за вами: либо всю жизнь дрожать перед насильниками, либо делиться с благодарным читателем фактами, случайно попавшими к вам в руки.

– Но я не хочу, чтобы меня кто-то распинал за непроверенные факты! – снова воскликнула Анастасия. – Умирать за фантазмагорическую идею – это удел, скажем, тех же коммунистов, но никак не издателя, мечтающего поделиться с читателем радостью.

– Ваше восклицание очередной раз подтверждает, что вы совсем не знакомы с учениями Сына Божия, – усмехнулся Ярослав. – Вот вы сейчас с жаром воскликнули, дескать, «не хочу, чтобы меня кто-то распинал за непроверенные факты». Смею вас уверить, что для Всевышнего не существует человеческого «хочу» и «не хочу». Мысли ваши возносятся к Богу только реальными существенными образами. И, если убрать из вашего восклицания «не хочу!», то мольба примет диаметрально противоположный смысл. А когда вас распнут, то есть Всевышний выполнит вашу просьбу, вы опять воскликните: «За что?!». Теперь понятно за что Бог чаще всего наказывает? И ещё. Кто вам сказал, что факты, изложенные мной в книге, не проверены?

– У вас есть подтверждения или исторические источники?

– Есть, ещё какие, – утвердительно кивнул Ярослав. – Я сейчас вам кое-что расскажу. Но наш стол уже ломится от всякой всячины, даже испанскую «Мадеру» принесли, а мы с вами играем в труса перед какими-то страшными масонами, грозящими вам из-за шторы корявым пальцем.

С этими словами парень кивнул в сторону ресторанного окна, завешенного плотной муслиновой шторой цвета нежного персика, и Анастасия невольно оглянулась, чем явно развеселила своего собеседника.

– Вы простите, что я без галстука, – извинился Ярослав. – Ведь в ресторан особенно с дамой положено ходить в «протоколе».

Костюм хорошего покроя и красивая рубашка явно свидетельствовали о том, что одежда куплена Ярославом не в магазине фабрики «Большевичка». Анастасия тоже выглядела для ресторана неплохо: строгий брючный костюм и блузка с затейливой рюшечкой. Но девушка всегда на работу являлась, так сказать, при параде, потому что в таком виде можно было пойти и в театр, и куда-нибудь на приём.

– Вы, молодой человек, немного отстали от жизни, – улыбнулась девушка. – Сейчас в нашем государстве в рестораны и театры уже давно пускают мужчин без галстука, лишь бы он не шокировал своим видом отдыхающих соседей.

Тут к их столику повара в белых колпаках и таких же передниках подкатили тележку на колёсиках, уставленную всевозможной кухонной посудой, баночками со специями и пузырьками с уже готовой подливой. Спутница Ярослава непритворно удивилась, так как не ожидала никакого шоу от поваров местной кухни и вопросительно вскинула глаза на своего улыбающегося кавалера.

– Я решил удивить вас, Анастасия, и заранее заказал кушанье, которое будет готовиться прямо у нас на глазах, – пояснил он. – Признаться, я и сам ещё не пробовал то, что нам должны приготовить, но необычное блюдо носит такое же необычное название.

– Интересно, и что это такое? – глаза девушки светились неприкрытым женским любопытством. Надо же! Повара примутся готовить кушанье прямо на глазах у зачарованной публики! Такого в русских ресторанах ещё никогда не было. Во всяком случае, в те времена, когда Анастасия нет-нет, да и посещала ресторацию, аналогичных проделок не выкидывали даже самые искусные повара.

– Перед нами будет сейчас запечён «Хвост дьявола», – объявил Ярослав.

– Что?! – ахнула девушка.

– Вы не ослышались, – улыбнулся её собеседник. – Тутюшние повара запекут перед нами рыбу, которую в Италии называют «Хвост дьявола». Не знаю, откуда у рыбы появилось такое одиозное название, но говорят, что этот «хвост» чертовски вкусен, даже пальчики оближешь.

– Да уж, удивлять вы умеете, – покачала головой девушка. – С одной стороны – книга о юности Иисуса Христа и возникновении христианства, с другой – «Хвост дьявола». Это, так сказать, на закуску. Отведав такое, поневоле задумаешься: а какому Богу или идолу молится сам автор?

Ярослав с улыбкой проглотил её маленький укол, но продолжение разговора к месту было отложить на потом, потому что трое итальянских поваров принялись колдовать над диковинной рыбой. Прямо возле стола заказчиков они разожгли огонь на небольших «поленях» сухого спирта, лежащих в изящном медном тазике, который водрузили на верхнюю полку тележки на колёсиках. Сверху на тазик постелили тонкий металлический лист, выполняющий, видимо, роль жаровни, набросали на него множество уже нарезанной овощной приправы, полили каким-то остро пахнущим соусом и в этот овощной винегрет поместили две тушки уже потрошенной рыбы.

– Это и есть хваленый «Хвост дьявола»? – с сомнением спросил Ярослав у одного из поваров.

– Не извольте сомневаться, господин хороший, – на ломанном русском заговорил повар. – Эта рыб есть у нас в судке.

Повар ловко вытащил из-под крышки судка из нержавеющей стали, стоящего на нижней полке столика ещё неосвежённую рыбу, устрашающий вид которой запросто мог вызвать дрожь в коленках любого нервного рыбака, попадись эта рыбка ему на крючок.

– «Хвост дьявола»! – повар картинно подцепил рыбину под жабры одной рукой и в то же время показывал на неё указательным пальцем другой. – Очистить новый рыб?

– Не надо, – мотнул головой Ярослав. – Я вам верю. Хотелось только взглянуть на саму рыбу. Ведь ни я, ни моя дама не то, чтобы не видели, а даже не слышали о вашей удивительной рыбе.

– О, это ещё один необыкновенный историй! – снова улыбнулся повар. – Говорят, сам Апулей когда-то любил кушать этот рыб прежде, чем работать.

– Вот-вот, – хмыкнул Ярослав. – А потом сам превратился в Золотого осла, и все его приключения записал только после того, как снова стал человеком.

– А что? Это любопытная идея! – воскликнула Анастасия. – Вот будет здорово, если вы, отведав этой удивительной рыбы, тоже превратитесь в Золотого осла!

– Не получится, – парировал Ярослав. – Кто же тогда в Иерусалим к Шиману поедет? Осла без хозяина сейчас ни один пограничник через кордон не пропустит. Времена нынче не те.

– Вот тебе раз, – удивилась девушка. – Вы собрались в Израиль ехать?

– О, Господи! – закатил глаза Ярослав. – Я же вам уже несколько раз рассказывал, что та книга, которую я вам принёс, написана на настоящем историческом материале.

– Каком?

– Историческом!

Ярослав на минуту замолчал, покачал головой, дескать, с бабой свяжешься – сам бабой станешь, но ничего не сказал. Лишь только через минуту, стараясь подыскать какие-то проникновенные слова, начал снова:

– Дело в том, что в Израиле у меня работает друг детства Шимон. Он профессиональный археолог, хороший парень, но несколько лет назад его родители решили вернуться на свою историческую родину и сына, конечно же, с собой прихватили. Только Шимон и в Иерусалиме нашел, чем заняться. Там, оказывается, есть археологический университет, с находками и разработками которого считаются даже в заносчивых научных кругах Соединённый Штатов

и Англии. Так вот, вскоре после окончания Второй Мировой в предгорьях возле Мёртвого моря израильские археологи обнаружили в одной из тамошних пещер глиняные амфоры, в которых было не вино, не золото, а множество пергаментных и папирусных свитков, почти прекрасно сохранившихся до наших дней, потому как амфоры были наглухо запечатаны сургучными печатями. И вот, израильские археологи сломали печати на библейских сосудах, а перед очами у них предстало такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

– А можно поточнее?

– Послушайте, Анастасия, неужели вы ни разу не слышали об этих нашумевших манускриптах? – удивился Ярослав.

– Слыхала, конечно, – кивнула девушка. – Однажды даже в интернете наткнулась на досужие сплетни по этому вопросу, но не обратила на проходное словоблудие особого внимания, поскольку приняла это за очередную журналистскую «утку», приперчённую и политую соусом.

– А зря, – мотнул головой Ярослав. – Такие исторические факты упускать из виду не следует. Если интересно, то загляните как-нибудь в тот же интернет и найдите труды о кумранских рукописях австралийского востоковеда Барбары Тиринг. Эта женщина всерьёз взялась за расшифровку попавших в её руки документов и обнаружила тот факт, что летописцы кумранской общины писали о деяниях тех же людей, о которых упоминают четыре известных евангелиста. Только имена этих исторических личностей скрыты под псевдонимами. Может, в кумранской общине так было принято, может, ещё что, но сопоставляя Евангелие, Деяния апостолов и их письма, стало доподлинно ясно, что тексты писаны об одних и тех же личностях.

– Интересно, а о ком, если не секрет?

– Ну, скажем, – продолжил Ярослав. – Скажем, кого вы сможете узнать в Истолкователе закона, или в Праведном наставнике, или же Нечестивом священнике?

– Погодите, так сразу определить что-нибудь довольно трудно, – возразила Анастасия. – Это можно, наверное, но только ознакомившись с трудами вашей Барбары Тиринг.

– Не так-то это и трудно, – улыбнулся Ярослав. – То есть, не так страшен чёрт, как его малюют. Доподлинно известно, что Иисус Христос не раз произносил одну любопытную фразу в спорах с саддукеями, дескать, не уничтожить пришёл я ваш закон, а дополнить. Исходя хотя бы из этого определения, можно проследить путь Истолкователя закона, запечатлённый в кумранских рукописях. И, странное дело, деяния этого неизвестного Истолкователя полностью совпадают с жизненным путём Иисуса Христа.

– Да, любопытно, – задумчиво ответила девушка. – А вот, скажем, Праведный наставник – это кто по вашему мнению?

– Праведный наставник – это, конечно же, Иоанн Креститель. Кумраниты считали его тем самым Мессией, которого в Израиле ждали тогда, а некоторые ждут до сих пор. Кстати, Барбара Тиринг упоминает, что один из важнейших манускриптов, попавший в её руки, «пещер Хаваккук».¹ Это тоже один из чудом уцелевших апокрифов от лап централизованной Церкви. И Барбара даёт к манускрипту пространственные комментарии.

– Постойте-ка! Неужели найдена настоящая рукопись пророка Аввакума?

– Не только она одна, – воскликнул Ярослав. – Там, в этих археологических документах, можно встретить такое, что в очередной раз перевернёт мир вверх тормашками. И это сделаю совсем не я, а исторические документы самим Господом сохранённые для нас!

– Вверх... чем, простите?

– Вверх тормашками! Ну, вы меня понимаете, – отмахнулся Ярослав. – Именно отталкиваясь от фактических документов, я создал книгу, которую и предлагаю вам для ознакомления, а, может быть, и для печати.

---

¹ Пещер Хаваккук (др. евр.) – книга пророка Аввакума.

– То есть, ваша книга может потрясти мир? – попыталась уточнить Анастасия. – Произвести фурор и даже хуже?

– Несомненно, – кивнул Ярослав. – А для любого издательства очередная скандальная книга – это интерес широкой общественности. Отсюда совсем иные системы реализации и прочее, связанное с книгоиздательским делом. Вы, думаю, в этом лучше меня разбираетесь.

– Но вы упомянули, что собираетесь поехать в Иерусалим? Или я что-то путаю?

– Нет-нет, всё так и есть, – кивнул Ярослав. – Дело в том, что как раз в этом институте, где хранятся рукописи, работает нынче мой друг Шимон. Он выходец из России, я уже говорил вам, но мы связь не потеряли до сих пор. И есть возможность не только познакомиться с уже добытыми материалами, но и отправиться на поиски новых. В тех местах очень беспокойная сейсмическая зона и, может быть, снова рухнет какая-нибудь гора и среди базальтовых обломков мы обнаружим что-то новое, неизведанное.

– Постойте-ка, – пыталась уточнить Анастасия. – Вы полагаете, что найденные документы – это лишь небольшая часть того, что ещё хранят горы Мёртвого моря?

– И даже не просто предполагаю, а на сто процентов уверен, – Ярослав для убедительности даже стукнул ладонью по столу. – В этом так же уверен и мой друг Шимон. Я не такой уж профессиональный археолог, но навыки всё же кой-какие имеются, поэтому смогу оказать помощь своему приятелю. А для вас, думаю, привезу очередную книгу.

– Да уж, предложение заманчивое, – резюмировала Анастасия. – Но позвольте, я сейчас отойду на несколько минут в дамскую комнату, а потом мы продолжим наше удивительное знакомство.

Ярослав кивнул, и его собеседница отправилась по своим женским делам. К тому же, повар уже закончил приготовление чудесной рыбы с аппетитным названием. Значит, впереди Ярослава и его девушку ожидало любопытное знакомство с местной кухней итальянского происхождения. А к изящному обеду можно было добавить продолжение разговора о всколыхнувших мир кумранских рукописях.

Меж тем Анастасия прошла в дамские комнаты. Убедившись, что она одна, достала из сумочки свой мобильный телефон и, хмурясь, набрала чей-то номер. Телефон ответил не сразу, поэтому она ещё сильнее нахмурилась и даже в нетерпении топнула один раз каблучком по кафельному полу.

Но вот на той стороне раздался мужской бархатный голос, и лицо девушки сразу разгладилось от излишних морщин. Даже приняло какую-то протокольную подобострастность, будто девушке предстояло отчитаться перед родителями за все пакостные и не очень делишки, сотворённые вместе с весёлой дворовой компашкой, или убедить начальство, что она опоздала на работу из-за страшной аварии трамвая.

– Учитель! Это я вас беспокою, учитель. Я сейчас в ресторане с одним потенциальным автором. Но материал, который он предлагает, думаю, довольно серьёзен и я не могла не доложить сразу. Что? Какой материал? Хроника, касающаяся кумранских рукописей... Что? Познакомить вас с автором? Он сказал, что чуть ли не завтра отбывает в Иерусалим на поиски остальных исторических манускриптов... Что?

Видимо собеседник на той стороне телефонного соединения сказал женщине что-то такое, от чего она просто-таки поперхнулась. Но, к счастью, не сказала ни слова в пику выволочки учителя, потому что чувствовала какую-то свою вину во всём происходящем. Хотя никакой реальной вины за нею обнаружить было просто невозможно.

Тем не менее, Анастасия кротко ответила:

– Хорошо, учитель. Я всё поняла.

В трубке уже монотонно раздавались короткие гудки. Анастасия поджала губы, явно не очень довольная ответом учителя, но возражать, а тем более разводить дискуссию было уже не с кем. Она подошла к зеркалу, висевшему над умывальником, внимательно осмотрела отраже-

ние своего лица, опять поджала губы, снова выражая недовольство, но вдруг отшатнулась от зеркала как ужаленная. У противоположной стены, где был вход в дамскую комнату, она ясно увидела фигуру своего учителя. В дамской комнате!

Анастасия резко повернулась, стреляя глазами по всем углам сантехнического узла, но никакого учителя, конечно же, не было. Вероятно, мысли, обронённые потенциальным автором, внесли такую сумятицу в достаточно спокойную размеренную жизнь девушки, что ей в самый неподходящий момент стали являться видения пусть знакомых людей, но не очень желательных для общения в этот момент.

Анастасия на всякий случай сплюнула через левое плечо три раза, закрыв, как положено глаза, и обернулась назад к зеркалу. Но его плоская блестящая поверхность больше никаких видений посетительнице предъявлять не собиралось. Девушка смочила холодной водой носовой платок, промокнула виски и решительно направилась назад в зал, где её дожидалась ещё неиспробованная итальянская рыба с чудесным завораживающим названием «Хвост дьявола».

Глава 2

День клонился к вечеру, за которым должна была обрушиться на землю густая звёздная ночь, укутав природу своим тёплым непроницаемым покровом. Небольшой караван купцов и паломников остановился на ночь в оазисе, приютившимся у подножия Ливийских гор. Самым бесценным среди пальм, кипарисов и тамарисков был источник, небольшое озеро. Вода на Ближнем Востоке ценилась больше всех мировых богатств. Земля полупустыни была богата растительностью и плодородием почвы, но не везде, поэтому и называлась полупустыней. Настоящая живая земля не только создавала неповторимый контраст с такырами, песчаником и мёртвым базальтом, а дарила всё же радость жизни народам, облюбовавшим эти места.

Может быть, в этом присутствовала какая-то своя прелесть, но никакой кочевник не получит доступ к мудрости. Так говорили жрецы, так и было на самом деле. Племена кочевников постоянно бывали в городах, но к осёдлости привыкали не все и далеко не сразу. Каждый житель этой страны получал что-то своё и успокаивался.

Значит, не совсем ещё Бог осерчал на непослушных кочевников. Значит, даёт ещё один шанс понять, прославить и донести всему миру Божественную Истину. А Истина, какая она? Если честно, то везде разная, то есть, у каждого человека – своя. Вот здесь, например, в оазисе, Истина – это то, что в полупустыне была и есть животворная влага, приносящая радость не только животным, но и людям, паломникам в священный Иерусалим. Там, в священном Иерусалиме, тоже есть Истина, но она так непохожа на здешнюю, что сравнивать две истины просто не имеет смысла.

Пока мужчины поили верблюдов и ослов, жёсткими щётками расчёсывали им шкуры с короткой, но свалявшейся от поклажи шерстью за время пути, женщины готовили трапезу, а многочисленные детки, предоставленные на время самим себе, занялись играми. Те, что постарше, деловито помогали либо матерям, либо отцам. А совсем маленькие мастерили из глины и песка крохотную дамбу в спокойной заводии пресноводного источника.

В караване дети путешествовали отдельно от отцов и даже от матерей. Детская беззаботность позволяла им воспринимать этот мир немножечко по-другому, не как остальным взрослым. Под присмотром нескольких женщин все они находились в обозе, но в различных местах. Мальчики обычно шли за повозками, или увязывались за верховыми впереди каравана. Подражая воинам, мальчишки с детства обучались выносливости, военным играм и привыкали к дисциплине. А девочки, особенно младшенькие, находили себе место в огромных повозках среди тюков с барахлом, овсом, ячменём и крупой, зарывались, как мышки в поклажу, вили тут же временные гнёздышки и даже умудрялись играть в ладушки.

Одна из путешественниц решила проведать своего сына на «детской половине», но, сколько ни искала, среди больших и не очень подростков мальчика не было. Не оказалось его среди строителей глиняной дамбы на берегу водоёма, ни среди детей, присматривающих за овечьим стадом. Паломники на священный праздник Пасхи пригоняли с собой в Иерусалим целое стадо овец, потому как Господу надо было принести жертву во время праздника и в Красную неделю месяца Адар² каждый день полагалось приносить жертву. Поэтому овечьё стадо было неотъемлемым атрибутом паломников. Но мальчика не было и здесь. Женщина, не на шутку встревоженная, подошла к детской половине, высматривая сына. Может, она просто его проглядела?

– Сестра моя, – обратилась она к одной из караванных воспитательниц. – Не знаешь, куда запропастился мой сын?

---

² Адар – в еврейском календаре – февраль-март. В конце месяца был благословенный праздник Пасхи.

– Да что ты, Мицриам, – отвечала та, округлив глаза. – Я думала, он с тобой. Иисус такой удивительный и чуткий ребёнок, что вытворить какое-нибудь хулиганство просто не может. Не в его это характере. Ведь ты же знаешь, как я слежу за детьми, и твоего-то я бы никогда не упустила из виду. Пойди, спроси у мужчин. Может, он затесался среди них? А здесь твоего мальчика со времени выезда из Иерусалима вообще не было.

Мицриам поспешила по совету подруги к мужчинам, которые занимались своими важными делами, а в основном всю уплетали приготовленную женщинами еду, так что мешать мужской трапезе нельзя было, и мамочка, потерявшая своего мальчика, остановилась немного поодаль, высматривая: нет ли сорванца среди взрослых. Сюда воспрещалось заходить только девочкам, а мальчики, беря пример с отцов и копируя их, играли друг перед другом роль совсем взрослых, участвовавших в караванных заботах мужчин.

Мицриам вскоре заметили и тут же сообщили мужу, так как ни одна из жён не осмелилась бы самовольно нарушать вечернюю трапезу мужчин. Если пришла, значит, действительно что-то случилось. Её муж не заставил себя долго ждать, понимая: жена просто так не придёт.

– Что случилось, женщина? – голос у него был усталый, но ласковый. – Или что-то надо сделать?

Она поклонилась мужу, как положено, скрестив руки на груди, и ответила не скрывая тревоги:

– Я нигде не могу найти сына!

– То есть как? – поднял брови Иосиф. – О чём ты говоришь, женщина? Мальчик должно быть, где-нибудь со сверстниками. Ты везде посмотрела?

– Его нигде нет. Никто его не видел, – голос женщины готов был сорваться в истерический вопль. – Многие думают, что он со мной и не волнуются. Но мой сын никогда не исчезает, не сообщив о делах своих.

– А среди погонщиков смотрела? – опять нахмурился Иосиф. – Мало ли, может, искать ребёнка вовсе не надо, никуда не денется.

– Ещё нет, у погонщиков не спрашивала, – потупилась Мицриам. – Но что ему там делать? Мальчик никогда не интересовался верблюдами, быками или же ослами, хотя от ухода за животными никогда не отказывался.

– Мало ли! Наш сын как раз где-нибудь там, значит, волноваться не стоит, – пожал плечами мужчина и зашагал к источнику, где прямо на берегу расположились погонщики.

Жена семенила за ним. Но, ни среди погонщиков, ни среди вновь проверенных детей, ни среди женщин мальчика не было.

– Яхве! – воскликнул мужчина, подняв обе руки к уже потемневшему небу, на которое неспешно высыпались крупные разноцветные как драгоценные камни, звёзды. – Яхве! Помилуй нас!

Он так постоял некоторое время, молча в позе оранты, воздев руки к небесам, потом повернулся к стоявшей неподалёку жене.

– Наш сын остался в городе, – спокойно сказал Иосиф. – Но с ним ничего не случилось.

– Как! Не может быть! – воскликнула женщина.

– Я сейчас как бы услышал голос, – начал объяснять её муж. – Голос ангела сказал мне, что он там, и вспомнил: наш мальчик всё время не выходил из святилища. А когда караван тронулся в путь, ни ты, ни я не посмотрели, присоединился ли он к нам. Ведь так?

– Что же делать? – задрожал от волнения голос женщины.

– Как что, Мицриам? – воскликнул Иосиф. – Мы должны вернуться. Мы снова поедem в Иерусалим. И это добрый знак, потому что Яхве не хочет отпускать нас просто так. Но животным хоть немного надо отдохнуть. Да и нам тоже. Иди, я разбужу тебя рано.

Но сколько женщина ни старалась хоть немного забыться, уговаривая себя, что всё будет в порядке, что обязательно надо отдохнуть – всё было тщетно. И когда с первыми лучами солнца вместе с погонщиками к Мицриам явился муж, она уже была готова.

Её посадили на одного из взятых в караване ослов, и группа из шести человек отправилась в ту сторону, откуда скоро должно было в полный рост выползти на небосвод древнее дневное светило. В той стороне находился священный город, где оставили потерянного мальчика.

Маленький караван продвигался довольно резво. Ослики, почувствовав возвращение, шагали весело. Причём, им сейчас не мешали ни верблюды, всегда степенные и величавые, поплёвывающие на осликов свысока, ни тяготящиеся упряжные быки, не шибко величавые, но такие же неспешные, как и верблюды. Без этаких попутчиков дорога складывалась гораздо веселее. Тем более, возвращение в город обещало хоть небольшое, но всё-таки угощение в конюшнях постоялого двора, поэтому ослики старались вышагивать во всю.

Ещё солнце не задумывалось спрятаться на ночь в потустороннюю обитель покоя, а справа уже показалась живописная, богатая тамариском и пальмами долина Енном, выходящая прямо к заветному Змеиному пруду. Этот водоём получил такое название из-за окунающихся туда после удушливой засухи змей, не нападающих в это время ни на кого. Более того, прокажённый, отваживавшийся в это время искупаться вместе со змеями, мог выздороветь даже от своей тяжкой неизлечимой болезни. Оттуда рукой подать было до Яффских ворот, которые открывали путь прямо к священному пруду Езекии и к лежащему за ним храму Иеговы.

Казалось, город радуется возвращению паломников, несмотря на то, что издали выглядел не очень радостно. Всё равно как распластавшаяся на горе величественная мрачная крепость, где прямо у входных ворот был выстроен богомерзкий амфитеатр Ирода, а на вершине господствовала над окружающим миром башня Антония. На стенах, как всегда, виднелись закованные в латы легионеры, соблюдающие и наводящие в городе давно заведённый римский порядок.

Путешественники по-своему радовались скорому разрешению проблем, хотя радоваться ещё было рано, поскольку, где искать мальчика, не знал никто. Предположение, что Иисус находится в храме Соломона, оставалось пока только предположением, не опирающимся ни на какую основу, кроме голоса ангела, услышанного Иосифом.

Вскоре дорога вывела возвращающихся людей в предместье, и узкими улочками путешественники поднялись к храму. Оставив на безлюдной в этот час площади осликов, все шестеро поспешили в святилище, а войдя в храм ко всеобщей радости обнаружили потерявшегося Иисуса, стоящего в центре между двух групп взрослых мужчин, которым мальчик что-то увлечённо рассказывал. Но поскольку взрослые очень внимательно слушали молодого проповедника, значит, говорил он вещи весьма серьёзные. Хотя, если подумать, что может сказать мальчик? Какими речами он может заинтересовать степенных, богатых и уважаемых жителей этого города?

А он говорил и говорил непростые вещи:

– ... так исполняется то, что говорил пророк Исаия: «Вот Господь грядёт на облаке, и все творения руки египтян затрепещут при виде Его».

– Не хочешь ли ты сказать, дитя, – раздался голос одного из фарисеев. – Не хочешь ли ты убедить нас, что пророк говорил именно про тебя? Да, обе статуи богов в нашем храме упали, – говорящий показал на восточную стену храма, где на полу распостёрлись две свалившиеся с постаментов статуи богов. – Да, эти статуи упали. Но у одной подгнил постамент, а другую нечаянно задела служки. Ведь не может такая нелепая случайность свидетельствовать о пришествии Машиаха! Мальчик либо смеётся над нами, либо сознательно идёт на преступление!

– Не обвиняйте меня в том, что вы никогда не сможете доказать, – пожал плечами Иисус.

Вдруг при входе в храм раздались испуганные голоса, по толпе людей прокатилась волна ропота. В храм вошёл в сопровождении двух центурионов начальник этого города Афродиций. Видимо всаднику римских легионеров вовремя доложили о происшествии, поэтому он решил полюбопытствовать лично и убедиться в могуществе иудейского бога, о котором ему постоянно приходилось слышать от окружающих.

Всадник Афродиций твёрдым шагом прошёл прямо к валявшимся на полу божественным статуям, потрогал носком сандалии осколки, потом повернулся к Иисусу, сделал шаг в его сторону и отвесил мальчику глубокий поклон. По залу опять прокатилась волна ропота, но на этот раз подкрашенная пеной изумления.

– Я, Афродиций, говорю тебе Каифа, – обратился он к иудейскому первосвященнику. – Говорю тебе и твоему народу. Если бы младенец сей не был Богом, ваши боги не пали бы на лица свои при виде обыкновенного мальчика и не простёрлись бы перед ним; таким образом, они признали отрока за собственного Владыку. И если мы не сделаем того, что видели, как сделали эти боги, – он указал на разбитые статуи, – мы подвергаемся опасности заслужить Божие негодование и гнев. И все мы погибнем смертью, как случилось с царём фараоном, который презрел предостережения Господа.³

В храме на сей раз, прокатился явный ропот саддукеев и фарисеев, не соглашающихся превратиться так вот запросто в поклоняющихся пророку и верных слуг его. Машиах, думали все, не приходит к народу запросто, и пророки никогда не приходят из Галилеи. Но откуда должны или обязаны прийти пророки – не знал никто.

– Мне доложили, что мальчик знает закон, – продолжил военачальник. – А не вы ли, служители бога, должны как зеницу ока оберегать закон? Послушаем, что скажет младенец.

Иисус стоял посреди храма некоторое время, не проронив ни слова, потом всё же решил продолжить беседу с мудрыми мужами земли сей, тем более, что совсем неожиданно получил заступничество и поддержку от человека, рождённого в чужих землях, но считающего ответственным себя за славу и процветание страны обетованной.

– Пророчество Отца моего исполнилось на Адаме, – начал снова говорить мальчик. – Исполнилось по причине непослушания его, и всё свершившееся – по воле Отца моего.

Вам ли не знать, законникам, если человек преступает предписания Бога и исполняет дела Дьявола, совершая непростительный грех, – его дни исполнились; ему сохраняется жизнь, чтобы он мог ещё покаяться и укрыться от обязательной смерти.

Если же он упражняется в добрых делах, время жизни его продлится, дабы слухи о его преклонном возрасте возросли и люди праведные, а тем более грешники, подражали бы ему. Ведь только через добрые дела даётся человеку сила радости и постижения истины.

Когда вы видите перед собой человека, чей дух скор на гнев, душа раскрыта для ярости и ум согласен совершать не только пакости, но и убийства, – дни его сочтены, ибо такие погибают во цвете лет.

Иногда злобные, свирепые и похотливые люди выживают. Иногда даже получают власть. Но всякое пророчество, которое изрёк когда-либо Отец мой о сынах человеческих, должно исполниться во всякой вещи.

Жития Илии и Еноха написаны неправильно, – они живы и по сей день, сохранив те же тела, с которыми они родились...

Мальчик на несколько минут замолчал, поскольку по залу опять прокатилась бесперебойная штормовая волна ропота. Ворчание больше всех исходило со стороны, где собрались саддукеи. В их среде очень чувствительно относились к родовым признакам человека, тем более пророка Иерусалима. Но, ни Енох, ни Илия к знатным родам не относились, хотя и были живыми взяты на небо в царство Божие.

---

³ Речь Афродиция в храме Соломона. «Книга о рождестве блаженной Марии и детстве Спасителя». Апокриф.

– А что касается отчима моего Иосифа, – снова продолжил Иисус, – то ему не дано будет, как пророкам остаться в теле; если бы человек прожил много тысяч лет на этой земле, всё-таки он должен когда-нибудь расстаться с бессмертием, то есть сменить жизнь на смерть, ибо человек только тогда получает жизнь и рождается в этот мир, когда соглашается заранее на принятие смерти, ибо она есть ступень завершения дел. А что с человеком случается в потустороннем мире, могу знать только я. Но что случается за потустороньем, за тем, что способен видеть глаз твой, ответить может только Отец мой.

И я говорю вам, о братья мои, нужно было, чтобы Илия и Енох снова пришли в этот мир при конце времён и чтобы они утратили жизнь в день ужаса, тревоги, печали и великого смятения. Ибо никто в конце времён не будет иметь этой жизни, она не пригодится уже никому.

Ибо антихрист умертвит четыре тела и прольёт кровь, как воду, из-за позора, которому эти четверо его подвергнут, и бесчестия, которым поразят его при жизни, когда откроется нечестие его.⁴

– Воистину! – вскричал Афродиций. – Воистину, этот мальчик – наби⁵ Израиля! Кто скажет, что это не так?

Но желающих возразить военачальнику не было ни среди фарисеев, ни среди саддукеев. Очередной раз воодушевлённый такой сильной поддержкой, Иисус продолжил свою речь. На этот раз он обратился непосредственно к собравшимся здесь фарисеям:

– Чему учите вы в своём храме? Вы стараетесь сохранить еврейские традиции и составить свод законов, установленных древними пророками, не участвуя в храмовых богослужениях. Но кому вы поёте божественные гимны и совершаете жертвоприношения, если не можете облегчить хотя бы часть, хотя бы малую толику страданий вашего народа? Вот вы, – показал он на группу фарисеев, стоящих в правом приделе храма, – все одеты в пурпурные богатые одежды, все в золотых украшениях, все с сытыми и довольными лицами. Вы никогда не познавали невзгод и лишений, не знаете ни болезней, ни страданий своего народа, как же вы можете судить и осуждать ближнего своего? Как же не хватает у вас смелости задать вопрос себе самому: а прав ли я?

Но дело не в этом. Вы точные блюстители законов, которые никак не отражают и никогда не отражали Божественного духа и любви Господа к людям. Вы всегда готовы публично покаяться перед народом, совершая благочестие во многих ритуалах и церемониях, но не в обычных бытовых спорах.

Можете даже пройти по улицам к храму с лицами, покрытыми пеплом и по дороге притворно выкрикивать молитвы. Нищим, попавшимся на пути, раздаёте милостыню. Но в действительности вы ищете только власти, которая никогда не будет Божественной, которая поклоняется только Золотому Тельцу. При помощи своей власти вы приметесь, скорее всего, отбирать у нищих деньги, подаренные вчера вами же. Ведь право, зачем нищему деньги, он и так проживёт, на то он и нищий? А деньги счёт любят и должны быть собраны вместе – шекель к шекелю, лепта к лепте.

Один из фарисеев, покрасневший, как его одежда, вскинул руку с указующим перстом в сторону выхода и завопил:

– Вон отсюда, мальчишка! Не дорос ещё, чтобы указывать мне, как совершаются моления! Мал ещё, чтобы в моём кошельке деньги считать! Подрасти, пока ума наберёшься!

Но его бешеный крик потонул в радостном всеобщем приветствии новоявленному риторику от толпы саддукеев, занимающих левый храмовый придел. Те восторженно приветствовали его, пришедшей неожиданно из уст мальчика, которого они сами же совсем недавно хотели изгнать из храма за нелюбезные речи. Пощёчина фарисеям сделана как нельзя кстати. Поэтому со

---

⁴ Откровения Даниила, Еноха и Ездры. Апокриф.

⁵ Наби (др. евр.) – пророк

стороны саддукеев не слышалось ни одного недовольного отклика – тем просто нечего было возразить. Когда же всеобщие крики стали немного утихать, мальчик снова привлёк к себе внимание, но уже речью против другой половины собравшихся в синагоге людей.

– А что же вы, саддукеи, радуетесь? – продолжал Иисус. – Если каждый из вас потомок рода богачей, и вы с малых лет считаете, что по наследству от родителей должны иметь священнические обязанности и право, которое существует со времён царя Давида, то все вы жестоко ошибаетесь. Священничество по наследству не передаётся. Это духовная обязанность человека, умеющего пасти стадо своих овец.

Не ту же ли букву закона почитаете и вы, как ваши противники? Кто из вас не отвергал предсказания пророков и не кидал в него камень? Кто не поносил бессмертные души и посмертное воскрешение, хотя без этого жизнь человека становится бессмысленной? Кто из вас не преступал веры, боясь преступить закон? Ведь только вера объединяет людей, а религия приносит вражду, злобу и ненависть.

Вы смеётесь пусть даже над пустым и показным верованием фарисеев, а всё служение Иегове для вас заключается только в храмовых церемониях, но никак не в искренней вере во Всевышнего. И ваша вера так же пуста и бездонна, как пропасть преисподни.

Неужели это игрище похоже на настоящую Божественную веру? Ваша вера – это собственное превосходство над всеми и то же самое стремление сохранить власть Золотого тельца. Все вы забыли мысли Божьи, управляющие миром, а они неизменны и никакое ваше властолюбие не искалечит их. То есть, хранители законов забыли законы, либо искажают их как кому надобно. А законы даны Моисею не для искажений по собственному разумению. Каждый человек призван, чтобы понимать Божественные мысли, чтобы делать их живыми в этом мире. После того, как мысль получит жизнь и только тогда, человек сможет понять, для чего ему дарована эта жизнь.

Вспомните, что сказывал Исаия:

«Возвеселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нём, все любящие его!

Возрадуйтесь с ним радостью, все сетовавшие о нём, ибо так говорит Господь: вот, Я направляю к нему мир как реку, и богатство народов, как разливающийся поток, для наслаждения вашего; на руках будут носить вас и на коленях ласкать. Как утешит кого-либо мать его, так утешу Я вас, и будете утешены в Иерусалиме... Ибо Я знаю деяния их и мысли их; и вот, приду собирать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою».⁶

Вот видите, каждый из вас и все вместе можете родить драму, но никто не может переделать её. Поэтому человек должен понять, что всё невидимое вечно, а наша мысль спокойно может видеть это невидимое, потому что она сама невидима, но существует. А существо мысли никаким изобретённым для этого законом доказывать и подтверждать не надо.

Творец сотворил весь этот мир не руками, но Словом, ибо сказано в заповедях: Вначале было Слово! Нужно понять Господа нашего, как существующего ныне и вечно, как существующее слово, как существо мысли. Но никто не вправе переделывать Его творения, направлять всё по какому-то изобретённому разумению. А от кого заумные разумения приходят – известно. Каждый человек должен знать, кому он возносит молитву, кому служит. И только тогда станет ясно, какой силой он пользуется, что может и что не может. Внимания заслуживает совсем не тот человек, что поддался искушению, а кто смог победить его, уцелеть и даже перешагнуть. Только никогда не следует изображать для себя реальный мир по собственному образу и подобию. Каждый человек – только Сын Божий, но никак не сам Господь.

Под сводами храма повисла гнетущая тишина. Этим и воспользовались мужчины, пришедшие за отроком. Они помогли Иосифу буквально утащить мальчика из храма, пока все

---

⁶ (Ис., LXVI, 10–13, 18)

многоуважаемые мужи были ещё ошарашены обличениями младенца и переваривали сказанное каждый в силу своего восприятия.

Мужчины вывели Иисуса на крыльцо храма, и отец набросился на него тут же, решив отворотить мальчика от раннего повзреления:

– Как ты позволяешь себе разговаривать с уважаемыми людьми? Что они тебе сделали? Этот мир у нас такой, каким сотворил его Господь, и не надо противиться Промыслу Божьему, ибо слова Первосвященника всегда были и останутся законом Единого Яхве! Обвинять же в ересь, не заслуживших никаких обвинений – это воистину человеческий грех! Все мы стараемся обвинить окружающих в нелицеприятных поступках, не замечая ничего за собой. Подумай, так ли ты чист, чтобы мог учить уму-разуму и обличать ближних, старше тебя по возрасту и по уму?

Мальчик при строгом внушении старшего, которого он обязан был слушаться беспрекословно, поднял на него глаза и чуть слышно произнёс:

– Людям всегда нравится выглядеть намного лучше, чем они есть на самом деле, поэтому любому из нас полезно возвращаться к исходным темам, то есть, как говорят мудрецы: *sor lemahela haschar*.⁷ Только разобравшись в начале – откуда всё происходит, человек сможет познать себя и принести этому миру часть радости.

Потом Иисус, будто продолжая давно начатый разговор, совсем уже не к месту рассказал Иосифу, как провёл в Иерусалиме вчерашний день, пока не началась служба.

– Увидеть Иерусалим, храм Иеговы – это ли не мечта каждого! – мальчик не отводил взгляда, и его отцу даже стало немного не по себе. А тот, как ни в чём не бывало, продолжил:

– Я видел этот город, видел амфитеатр Ирода, башню Антония и всюду вооружённых пиками стражников. Этому городу дано стать отправным местом молитвенников и Божьих проповедников. Именно отсюда Слово Божье начнёт растекаться по всему свету. Но вооружённые злобой люди выполняют здесь нечеловеческую службу. И грех убийства может принести нашему народу проклятие на все времена.

– Да как ты можешь так говорить о воинах! – воскликнул один из мужчин, пришедших вместе с Иосифом. – Любой воин выполняет только то, что должен! Такие обязанности были и есть у воинов во всех странах и во все времена.

– Грех убийства не прощается ни на том, ни на этом свете, ни сейчас, ни в прошлом, ни в будущем, – заупрямился мальчик. – Я знаю, что это так, потому что каждому из этих солдат всё равно кого убить. Значит, много раньше была убита душа каждого из них. Ведь Господь создал человека не для убийства и завоевания, не для насилия, зависти и жадности, не для обжорства и похоти, а для того, чтобы принести хоть толику радости ближнему.

– Неужели всё так, как ты говоришь? – робко спросил ещё один из шестерых, помогающих плотнику Иосифу в поисках сына.

– Я не просто говорю, – принялся рассказывать Иисус. – Я прошёл днём по городу и видел квартал язычников, из которого когда-то прольётся возмущение, потому что Бог – един, и никто не вправе указывать каким путём человеку идти к Божественному чертогу. Может быть, эти язычники провозгласят свою веру самой верной, и правильно сделают. Потому как нельзя евреям считать себя единственными и величественными избранниками Божьими, ожидающими появления Машиаха, не верящими в способность постижения Божьего пути другими насельниками мира сего.

– Да что ты говоришь?! Ты в своём уме, мальчик? Какая муха тебя укусила? – слышались возмущённые восклицания спутников Иосифа.

– Не знаю, была ли это какая муха, – упрямо продолжал рассказывать мальчик. – Но я видел у жёлтого Силоамского источника множество искалеченных жизнью людей, в глазах

---

⁷ *Sor lemahela haschar* (др. евр.) – возвратись певец к началу.

которых не осталось ничего, кроме надежды. Только надежда помогает выжить человеку и надежда на Господа – вот всё, что у бедных калек осталось.

Только и надежда осталась уже не у всех. Толпы изувеченных, искалеченных, прокажённых, ищущих в Иерусалиме путь к исцелению, и просто стариков просили помощи, сострадания, протягивали худые искалеченные руки, заглядывали мутным неживым глазом мне в душу, но я ничем не мог помочь им. Сейчас не мог...

– Да кто тебе разрешит помогать несчастным, и где ты найдёшь для этого силы? – хмыкнул один из мужчин. – Лучше учился бы ремеслу своего отца и не создавал для нас нерукотворных забот.

– Вот жилище моего Отца, – мальчик указал на храм, откуда они только что вышли. – И только там я мог найти общение с Ним.

Воспалённый возглас мальчика прервался голосом ещё одного взрослого, разговаривавшего до тех пор чуть в стороне с матерью отрока. Женщина не мешала мужчинам, поучающим Иисуса, как будто знала, чем должно всё закончиться. Недаром же она с младенчества воспитывалась в храме, значит, знала те Божьи истины, о которых не всегда могут догадаться мужчины.

– Да будет радостным день ваш, – приветствовал собеседник Мицриам искателей потерявшегося Иисуса. – Я обратил внимание на мальчика ещё вчера, и ничего бы в храме с ним не случилось. Он стал мне даже более любопытен после того, как только что показал свои настоящие места фарисеям, и саддукеям. Такого не делал ещё никто. Устами младенца глаголет истина. А эти уважаемые люди давно заслуживают наказания за своё неверие, недоверие к другим и продажность. Я поговорил уже с Мицриам, она ничуть не против, чтобы мальчик воспитывался у нас, в нашей школе.

– А кто вы? – запоздало поинтересовался отец нашедшегося Иисуса. – Чему обучаете вы и имеете ли благословение от первосвященника?

– О себе я расскажу вам обязательно, но немного позже, потому что задерживаться возле храма сейчас не стоит, – мужчина указал на выходящих из дверей святилища оскорблённых фарисеев. – Поэтому прошу всех вас посетить наш ашрам ессеев.⁸ Это недалеко отсюда, на полпути к Гефсиманскому саду.

– Вы не ответили, чему можно обучиться в вашей школе? – вдруг поинтересовался Иисус. – Надеюсь, не станете спрашивать, что такое алеф?⁹

– О нет, Иисус, – улыбнулся мужчина. – Меня зовут Закхей. Я владею божественной магией и наукой изучения человеческого сознания. Но уже сейчас во многом мне самому нужно учиться у тебя и объяснять что такое алеф, а не объявлять, что могу научить многому.

Послушай, Иисус, уже давно в наших землях люди почитают Иуду Галилеянина и Цаддока. Оба они ненавидели киттиев,¹⁰ старались освободить наши земли от римского владычества и прослыли освободителями не только среди zelотов.¹¹

Даже фарисеи, саддукеи и последователи нашей общины называли их поступки мессианскими. И тот и другой были мешидами, то есть Машиахами. Ты же по отцу принадлежишь к роду Давида, а по матери к колену Аарона, поэтому ещё вчера в храме я понял, что ты и есть тот Сын Божий, который должен будет явиться в земле Обетованной, как сказано в Писании значит, твоё имя должно звучать как Бани Машиах! Ты в будущем должен будешь обязательно явиться в Иерусалим на белой ослице, как потомок первосвященника и Великого царя.¹²

---

⁸ Ашрам (др. Иран.) – внутренняя школа-интернат.

⁹ Алеф – первая буква еврейского алфавита.

¹⁰ Киттии (арам.) – враги, римские завоеватели.

¹¹ Зелоты (арам.) – воинствующие евреи, политические противники Рима.

¹² schonfield, the passover Plot, с. 118–124

– Но я не Бани Машиах, – возразил мальчик. – И почему я должен приехать в Иерусалим на осле?

– Так сказано в Писании. Когда наступит срок, ты должен явиться на праздник Пасхи в Иерусалим, но не пешком, не конным, а верхом на белой ослице, ибо так говорят пророки. И не забудь, Иеремия говорил, что Господь спрашивал у него: «Не сделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Моё?». ¹³

Ты должен соблюдать таинство, которое получишь у нас, а также не уклоняться от сказанного пророками.

– Но как народ Иерусалимский узнает о моём прибытии? – удивился Иисус.

– Не печалься, ибо неисповедимы пути Господни. Всё будет происходить так, как предписано Богом. Но это не есть безысходность, к которой тебя приговорил Отец Небесный. Это подвиг во имя человечества, ибо ты должен совершить жертву за други своя. Множество разных религий на земле будут призывать человечество к вечной междоусобице и взаимному уничтожению. А вера в Тебя спасёт и объединит людей. Вот только сам ты не поддавайся ни на какие уговоры и соблазны, поскольку Отец верит в Тебя, если ты согласишься показать людям путь веры в Бога, путь любви, а не религиозного насилия и повсеместного обвинения в ересь.

– Я чувствую, учитель, что должен сделать это, – согласился Иисус. – Ничего в этом мире не происходит случайно. Значит, и я пришёл Сыном Человеческим, дабы желающие видеть, увидели малую толику Истины.

– Именно так, – кивнул Закхей. – Именно так. Но это ещё не всё. Третьим подтверждением от тебя как от Машиаха, потребуется восхваление Тебя всеми излеченными тобой, прозревшими слепыми, хромыми, получившими способность ходить и малыши детками, ибо в одном из псалмов Давида сказано: «Из уст младенцев и грудных детей ты устроил хвалу», а Книга мудрости Соломона добавляет, что мудрость открывает уста немым и даёт речь младенцам. ¹⁴

– Но я не умею исцелять! – ошеломлённо пытался отговориться мальчик.

– Исцелений будет достаточно, – улыбнулся ессей. – Главное, чтобы ты всегда помнил своё предназначение. И ещё: мистерию познания и посвящения тебе предстоит изучить вместе со мной в ближайшее время. Это написано в книге откровений, об этом говорил Исайя и тебе, Иисус, предстоит познать структуру человеческого сознания, ибо в этом, и есть смысл существования Вселенной. Ибо сейчас в храме, обличая саддукеев и фарисеев, ты допустил несколько ошибок, которые могут сказаться и на твоей судьбе. А допускать ошибки среди людей несправедливо и неправильно, поскольку ни один из людей не прощает ошибок, пусть сделанных непреднамеренно. Поэтому тебе необходимо думать, о чём говоришь и говорить не всегда, о чём думаешь. Даже в этом есть определённый смысл жизни на земле и исполнение той цели, во имя которой ты живёшь. Я могу многому научить тебя, равно как научиться у тебя, что ещё неизвестно мне.

– Неужели для этого надо куда-то ехать? – засомневался мальчик. – И где можно встретить ангельское откровение?

– О, во многих странах есть двери в потусторонние миры. Допустим, священный город в глубинах Тибета, между Индией и Китаем, – ответил Закхей. – Там, в храме города находится дверь в потусторонний мир. Именно там тебе предстоит познакомиться с Рудрой Чакрином, царём Шамбалы. Это тоже было предвещено пророками. Ведь только там можно познать жизненную силу этого мира. Туда со времён зарождения человечества стремились попасть многие, но не каждому дано войти в поток Божьей силы и уцелеть потом.

---

¹³ (Иеремия, 7:11)

¹⁴ (Псалтирь, 8 1:2, Книга мудрости, 10:12)

– А вход туда только один, но не для каждого? – предположил Иисус. – Что ж это за страна такая, где нет ни выхода, ни входа?

– Нет, ты не прав, – рассмеялся Закхей. – Ещё один вход в Шамбалу есть в Аркаиме, столице гиперборейского царства Десяти городов. Но нам незачем путешествовать так далеко. Хотя, после познания тибетских истин, всякая протяжённость расстояний исчезнет.

– Когда же мы отправимся на Тибет? – глаза у мальчика загорелись в предчувствии настоящего приключения. – Я уже хочу отправиться в такое путешествие.

– Ишь ты какой, – снова улыбнулся учитель Закхей. – Сразу подавай ему всё и как можно больше. Никогда не надо спешить, ведь только тот никуда не опаздывает, кто не спешит.

– Зачем мальчику куда-то ехать? – вмешалась Мицриам. – Я хочу навещать его во время учения.

– А вот обо всём этом мы и поговорим в ашраме, – согласно кивнул Закхей. – Идёмте, путь наш недолог.

Мальчик шагал по городу с мужчинами уже как равноправный, но не эти мысли будоражили его сейчас. Он понял через видимые страдания других, что должен всё-таки расстаться с тем Божественным блаженством, которым хотел поделиться со всеми и сразу. Прежде, чем делиться блаженством, надо научиться что-то терять.

Ничего не исчезнет бесследно, но необходимо понять дарованную Богом возможность общения с себе подобными. Тем более что рядом незримо следовала новая спутница, имя которой Человеческое Странствие. А, следуя рядом, эта женщина не уставала твердить мальчику, что не покинет его больше никогда и никуда не скроется.

Глава 3

От раскалённых под солнцем Иудейской пустыни камней поднимались струи горячего воздуха, зачастую закручиваясь в невообразимые спирали, будто всплески Сибирской пурги на Крещенские морозы. От таких видений, да и от спёртого воздуха, когда нечем дышать, когда дыхательная система перекрывается удушливыми тромбами, с ума свихнётся любой бедуин, а не только прибывший завоёвывать Палестину хилый россиянин. Шимон с усмешкой следил за страданиями изнывающего от жары москвича Ярослава Кузнецова и радовался, что земля Обетованная приняла его самого, как родного в отличие от русского приятеля. Во всяком случае, Шимон ничуть не страдал от перегрева на солнышке и от болезненной одышки.

Илона, тоже бывшая россиянка по её словам, и даже коренная москвичка, сама сидела за рулём «джипа», истаскавшегося по Палестинским пустыням в поисках археологических ценностей. Нельзя сказать, что археологические находки нужны были именно «джипу». Скорее всего, это было хотение хозяев машины, многочисленных работников Иерусалимского исторического института. Во всяком случае, Илона «пришпоривала» машину, как заядлый ковбой американских прерий. Видимо, такая погода пришлась по вкусу бывшей москвичке, и она чувствовала себя, как рыба в воде.

Собственно, Шимон тоже до недавнего времени считался россиянином. Вот только с ума сошедшие родители как-то раз решили отправиться на покорение исторической родины. Юноша был уже довольно взрослым и мог остаться в России, но тяга к новым приключениям, страсть по неизведанным землям и простое стремление найти что-то получше, чем есть сейчас, сыграла свою роль. Поэтому Шимон почти не задумываясь, согласился сопровождать родителей и переселился вместе с ними на родину своих предков.

Но родина родиной, а жить на что-то надо! Шимон потыкался по Тель-Авиву и Хайфе в поисках работы, потом перекочевал в Иерусалим. Там Шимон попытался устроиться в простой хедер,¹⁵ но всё безрезультатно. Его как историка и археолога принимали с большой настороженностью, тем более, что образование он получил в Москве. Многие из «коренных» израильтян тоже были выходцами из ненавистной России, но никогда и ни кому не признались бы в этом даже за сто шекелей или за калач с маком в голодный год.

Родители Шимона обосновались в Тель-Авиве и получали государственный пенсион, как перенёсшие холокост или фашистский геноцид во время Второй Мировой, а их ребёнок так и оставался не у дел. Но даже полагающийся пенсион родителям Шимона не получить бы вовек, не помоги им профессор Университета востоковедения в Хайфе Меделак. Шимон вторично за помощью к родственнику обращаться не хотел и рассчитывал сам выпутаться из сложившейся ситуации.

Почти во всех ресторанах и кофейнях юношу бесплатно кормили, когда владельцы общепита узнавали, что посетитель – беженец из России. Так долго продолжаться не могло. Только вот специалисты, тем более историки, были сейчас никому не нужны. Можно было, правда, устроиться на работу посудомойщиком или уборщиком в какой-нибудь ресторан, но и только. Работы ни для кого нигде не было. Разве что самой востребованной профессией была в земле Обетованной проституция, но Шимона пока что тошнило от всех видов предлагаемой работы по этому статусу.

И всё же Господь никогда не даёт того, что не в силах унести, как говорят в России. Столовая Центрального исторического института в Иерусалиме чем-то напоминала московские общепитовские «едальни» в пережитом советском прошлом. Скорее всего, воспоминания навевались аппетитным кухонным запахом и хорошей студенческой ценой на незатейливо при-

---

¹⁵ Хедер (евр.) – еврейская религиозная начальная школа.

готовленную пищу. Шимона как раз цена в данный момент устраивала больше всего, потому что наличности в кошельке не прибавлялось и больное сознание начинало раздувать огонь незатухающей депрессии.

Тут к нему за столик подседа не очень шикарная и вполне миловидная девушка, телесные формы которой послужили бы, вероятно, для украшения страниц какого-нибудь модельного женского журнала. Только важно было не это. Важным оказалось то, с каким вопросом и как обратилась девушка к юноше, уже поглощающему за столом добытую порцию еды!

– Простите, у вас не занято? – спросила она на чистом русском и где-то даже с московским акцентом.

Шимон от неожиданности поперхнулся. Потом откашлявшись и запив всё спасительной минералкой, он выдал:

– Ни фиги себе! Ой... конечно садитесь. Столик свободен, как и я, впрочем. Но вы, насколько я понимаю, тоже из Москвы?

Девушка утвердительно кивнула, уселась напротив и с интересом взглянула на соседа. Наверное, она и не думала встретить здесь в палестинском пекле никого из покинутой забываемой родины.

– Простите, что я пристаю к вам с вопросами, – снова отважился на беседу Шимон. – Но я здесь уже больше года и не встречал никого, говорящего по-русски.

– Так прямо и никого? – недоверчиво усмехнулась девушка. – По-моему, три четверти израильского населения – выходцы из Жмеринки, как та же Голда Мейер.

– Может быть и так, не пересчитывал. Только здесь все стараются навсегда забыть русский язык и не поминать его при общении. А вы давно из Москвы? И надолго ли?

– Не очень давно, – призналась девушка. – Во всяком случае, ещё не стараюсь отвыкнуть от русского языка.

– Это заметно.

– Но я приехала по вызову. У меня дядя работает в этом институте и заочно договорился о моём трудоустройстве на кафедре археологии. Я специалист по древнееврейскому и арамейскому языкам.

– Выходит, в Иерусалиме даже специалистов не нашлось, – глубокомысленно заключил Шимон. – Все, у кого ещё осталось серое вещество в голове, либо вернулись в Россию, либо зарабатывают золотой кусок хлеба в каком-нибудь из американских штатов. А здесь только торговля бытом и торговля телом.

– Значит, вы торгуете бытом? – язвительно поинтересовалась девушка. – Потому что для второго вида занятий нужно иметь другой статус хотя бы по одежде.

Шимон опять поперхнулся и одновременно отметил, что его собеседнице палец в рот не клади, откусит. С другой стороны он, хоть и еврей, но рождён был в России. А это значило, что любой русский любит знакомиться с умными девушками. Вот только заводить любовные романы с умницами опасно. Умные женщины чаще опасны, чем полезны. Впрочем, чем чёрт не шутит, когда Господь почивает?!

– Это хорошо, что вы обладаете наблюдательностью, – опять попивая минералку, отметил юноша. – Вот только не пойму, неужели я выгляжу как заправский московский бомж? Неужели не сойду за гламурного мальчика по вызову? Или за простого охотника-сердцеда?

– Успокойтесь, до московских бомжей вам ещё далеко, – улыбнулась девушка. – Но очередную экипировку произвести не мешало бы, если желаете походить на мальчика по вызову.

– Учту, – кивнул Шимон. – И сразу же приоденусь, когда появятся деньги.

– Проблема с работой?

– Как это ни тривиально, но факт – не реклама. Мне родители обещали золотые горы на исторической родине. Только здесь кроме раскалённого солнца и еврейской чопорности ничего

нет. А еврейская чопорность испокон веков любим англичанам на сто очков вперёд фору даст. Хотя легенды о богатстве еврейского государства гуляют из года в год по всем странам.

– Пойдите-ка, – оживилась девушка. – Вы, я полагаю, в институте оказались не случайно. Так? Приходили предлагать свои услуги. Так? Значит, вы, по меньшей мере, историк. Так?

– Так, согласился Шимон. – Историк, да ещё со стажем, да ещё археолог к тому же. Но здешний ректорат очень осторожно и вежливо обещает рассмотреть моё резюме, обсудить кандидатуру на каком-то ихнем совете. Лишь потом, вполне вероятно, мне предложат что-нибудь подходящее, если будет свободное рабочее место. Но до тех пор беспокоить и справляться о грядущем решении не рекомендуется. Вот и весь сказ.

– Археолог вы говорите? – сдвинула брови девушка. – Вот это да! Может быть, вам меня или мне вас сам Бог послал!

– Что вы такое говорите? – не понял Шимон.

– Подождите, – нетерпеливо перебила собеседника девушка. – Вы когда-нибудь слышали о Кумранских рукописях?

– Безусловно, – пожал плечами Шимон. – В 1947 году пастух-бедуин Мохаммед ад-Диб пас коз в предгорьях недалеко от Мёртвого моря. Известно, что те места – это сейсмически активная зона, хотя и с небольшой амплитудой колебания. Так вот, либо по тамошним пещерам до этого времени никто не лазил, либо входы открылись после очередного землетрясения. Только козы любят шастать по пещерам. А пастух, чтобы выгнать своих коз наружу, просто бросил в один такой пещерный провал камень. Капризные животные выбрались, но звук от брошенного камня поразил пастуха. Это было похоже на звук лопнувшего кувшина. Бедуин, конечно же, сам забрался в провал и обнаружил там с десятков амфор, запечатанных сургучом и смолой ливанского кедра. Из внутренностей уже разбитой амфоры он вытряхнул древние, но целые и читабельные манускрипты. Некоторые из пергаментных и папирусных свитков он успел продать городским антикварам. Но остальные рукописи были конфискованы у старика израильским правительством. Где они сейчас и куда попали, не знает никто. Может быть, они давно уничтожены, как нашумевшие манускрипты Наг-Хамади.

– Отлично! – удовлетворённо кивнула девушка. – Вижу, не даром вы обучались в России. Если у вас остался ещё интерес к работе, предлагаю вам заняться со мной поиском таких же амфор, которых в расселинах скал возле Мёртвого моря можно ещё отыскать не мерянное количество.

– Так уж не мерянное?

– Может, и ничего не найдём, – парировала девушка. – Но если удача улыбнётся, нам выпадет приличное денежное вознаграждение. Кстати, мы ещё не познакомились. Меня Илоной зовут.

– Шимон, – представился юноша. – Похоже, вы официально принимаете меня на работу?

– Конечно, – девушка вскинула на собеседника зелёные глаза и машинально поправила прядку каштановых волос. – Вы же ищете работу? Или я ошибаюсь?

– Нет-нет, – поспешил её уверить Шимон. – Не ошибаетесь. Тем более, работа по специальности – что может быть лучше! Но кроме будущего шикарного вознаграждения за ещё не найденные рукописи, от вашего института что-нибудь ожидается?

– Конечно! – воскликнула Илона. – Оклад рабочего поисковой экспедиции. Это не слишком густо, но гораздо ощутимее, чем в России. Согласны?

– Да кто ж от такого откажется? – вопросом на вопрос ответил Шимон. – Надеюсь, позже вы объясните мне, откуда ветер дует, то есть кому всё это надо?

– Тому самому правительству, у которого где-то хранятся рукописи Наг-Хамади. В этом государстве ничего не исчезает бесследно и ничего просто так не уничтожается. Если вам кто-то из приятелей рассказал такую душещипательную детективную историю, то простите ему

дилетантство и неосведомлённость. Наш институт ничуть не хуже разбирается в архивных документах, чем американские конкуренты. Думаю, вы скоро в этом сами убедитесь.

– Но почему же тогда не просто от любопытных, а от учёных всего Земного шара прячутся найденные исторические документы? – искренне удивился Шимон. – Естественно, средства массовой информации сразу же раздули вселенский пожар вокруг обнаруженных документов, к которым не подпускают никого из любопытствующих и даже прямых специалистов, стоит ли удивляться, что Кумранские рукописи сразу были обозначены баснословными ценами на чёрном рынке, и такие криптографические свитки нет-нет, да и мелькают среди интересующихся. Только большинство из них – прекрасные подделки под старину. В наше время технического прогресса стало возможным изготовить за короткое время всё, имеющее спрос на чёрном рынке.

– Вы, я вижу, владеете настоящим фактическим материалом, касающимся археологических находок? – серьёзно спросила женщина, но серые глаза с поволокой откровенно смеялись над новым знакомым.

– Не знаю, насколько верны мои сведения, – растерялся Шимон. – Только так говорят сами продавцы и тут же предлагают купить «настоящий» «истинный» документ, случайно сохранившийся у него среди различного рода древностей.

– Эти слухи в большей мере распускают те же журналюги, оставшиеся без любимых косточек, которые и перемывать-то просто некому, – резюмировала Илона. – Я, например, тоже не склонна допускать средства массовой информации в специфику своей работы. А вы?

Где-то в селезёнке или другом внутреннем органе юноши заскребли когтями испуганные кошки. Так ведь и работу потерять можно ещё не получив её и не отведав из старинных свитков живительный глоток истории, доживший до нашего времени. Но в это время Илону отвлек один из сотрудников, обратившийся к ней с какой-то рабочей бытовухой. Пока женщина решала текущий вопрос, Шимон уже готов был к бою, и когда Илона снова обернулась к нему, то увидела на лице юноши вежливо-ослепительную улыбку Чеширского кота:

– Похоже, я действительно попал под влияние жёлтой прессы. Но вы правы, журналистов надо всегда держать на безопасном расстоянии. Мало ли что им в голову взбредёт?!

– Вот и хорошо, – согласилась женщина. – Другого я от вас услышать не хотела бы. А сейчас, если вы окончили трапезу, предлагаю пройти в мой отдел. Там познакомимся с предстоящей работой, и я предоставлю вам текущие обязанности. В скором будущем нас ждёт Израильская пустыня, побережье Мёртвого моря и несколько населённых пунктов, где понадобится ваша способность в выживании жаренных сплетен у местных кумушек, торгующих глиняными черепками, либо у охотников за жёлто-историческими фактами.

Это нужно, чтобы обнаружить по народным пересудам места, где могут быть археологические захоронения, либо ускользнувшие от внимания летописцев подземные капища или иудейские храмы.

– Разве такие существуют? – удивился Шимон.

– Сколько угодно! – Илона поднялась из-за стола, сделала знак рукой собеседнику, и отправилась по коридору вглубь института, не прерывая своего рассказа:

– Подземных капищ и храмов вокруг Иерусалима сколько угодно. В своё время Цаддок, царь зелотов, позаботился о том, чтобы такие места были и чтобы мало кто мог бы донести фарисеям и саддукеям о действующих святилищах. Там религиозные обряды совершали Осе ха-Тора¹⁶ и никакой киттим не должен был пронюхать о тайных сборищах зелотов, особенно на священный Шавоут.¹⁷ У зелотов этот день чтился особо, но до сих пор никто не знает почему. Достаточно будет знать, что на сегодняшний день институтом обнаружено уже не менее шести

---

¹⁶ Осе ха-Тора (арам.) – те, что соблюдают Закон.

¹⁷ Шавоут (арам.) – пятидесятый день после Пасхи.

бункеров. А один из них в районе Айлаво в Галилее длиной в шестьдесят пять метров и к тому же с вентиляцией. Каково?!

– Поразительно, – согласился Шимон.

Сейчас он вспоминал это по старой студенческой привычке иногда прокручивать всё происшедшее, дабы составить из анализа определённую картину, которая внезапно может показать происходящее ныне под другим ракурсом. А именно:

сидя в джипе рядом с шофёром, Шимон дарил взгляды не только задыхающемуся от жары на заднем сиденье Ярославу, а не оставлял без внимания и саму Илону, которая уверенно вела машину в нужном направлении. Но откуда ей известно, куда надо ехать, ведь она говорила, что совсем недавно приехала из России, что в институте работает её дядя, предоставивший девушке работу?

Машина вырулила к Байт-Лахм,¹⁸ и вскоре перед глазами молодых людей возникло место, где новорожденного Иисуса нашли пришедшие сюда волхвы. Но сейчас в этом месте высилось строение виде часовни. Вероятно, евреи не брезговали посещениями христианских паломников, желающих взглянуть на конюшню, где увидел свет Христианский Машиах или Мешиха. Но пусть себе любуются и платят деньги: шекель к шекелю готовит дорогу настоящему Пришествию настоящего Мешиха.

Машина затормозила у строения. Илона обернулась к мужчинам:

– Мне нужно навести здесь кое-какие справки, касающиеся наших поисков. Вы, Шимон, можете показать пока место рождения Иисуса своему приятелю. Там работают кондишеры, и можно будет отдышаться, а то он совсем уже обезумел от здешнего климата.

Илона была права. Ярослав выглядел, как мокрая курица, к тому же часто и прерывисто дышал. Не случилось бы с ним чего! Тут уж не до реверансов!

– Послушай, Ярик, ты хоть передвигаться можешь? – взглянул в глаза приятелю Шимон. – Давай, выползай из машины. Пока Илона утрясает свои дела, пойдём в музей. Там можно отдышаться. Не заставляй меня пожалеть, что я вытащил тебя из России и уламывал Илону. Ведь она со скрипом согласилась принять тебя в команду поисковиков.

– Только поисковиков что-то я не вижу, кроме нас с тобой, – буркнул Кузнецов, вылезая из джипа. – Ты не беспокойся, Шимон. У меня это не болезнь, а просто акклиматизация. Ведь я, по сути, попал с корабля на бал. Так что уж, извиняйте и подвиньтесь, милый друг.

– Ладно, чего уж там, – отмахнулся Шимон. – Спасибо, что по первому зову откликнулся. Мне с тобой будет легче заниматься поисками иголки в стоге сена. Хотя Илона иногда довольно мудрые мысли высказывает, как ни странно.

– Ты, Шимон, прекрати своё женоненавистничество! – Ярослав даже остановился у входа в музей и взглянул в глаза еврейскому другу. – У вас, видимо, считают за доблесть принижать женщин, а у русичей отродясь женщин почитали как Берегинь и хранительниц домашнего очага. К тому же не забудь, кто тебе работу дал! И мне тоже.

– Да я ничего против Илоны не имею, – принялся защищаться Шимон. – Наоборот, я ценю её! Хочешь, когда она вернётся, прямо в лицо ей скажу это?!

– Может быть, Шимон, такой поступок для тебя и подвиг, но не надо из пушки по воробьям стрелять. Я верю, что Илона знает, где искать и как искать. Просто чувствую, нам повезёт и точка! Ладно, пошли в музей.

Но Илона не дала долго «отдохнуть» своим подчинённым и машина вскоре снова намамывала километры прожаренных солнцем израильских дорог.

---

¹⁸ Байт-Лахм – Вифлеем.

– Сейчас нам надо проскочить Эль-Халиль,¹⁹ – поделилась добытыми сведениями Илона. – За городом есть малоизвестная, но проезжая дорога в Эть-Геди, что на берегу Мёртвого моря. Оттуда прямо по побережью до горной развилки Мецада.

– Ага, – отозвался пришедший в себя Ярослав с заднего сиденья. – В этой Мецаде, как я понял, на развилке стоит камень и на нём надпись: налево пойдёшь – ни хрена не найдёшь, направо...

– Не ёрничайте, Ярослав, – Оборвала его Илона. – Именно там в последнее время происходили мелкие землетрясения. Именно там, в заливе за полуостровом Эль-Лисан были обнаружены на дне обгорелые камни городских стен. Наши учёные полагают, что это те самые камни, оставшиеся от Содома и Гоморры.

– Значит и в нашем деле без Содома и Гоморры никак не обойтись, – не сдавался Кузнецов.

– Ну, будет тебе, – одёрнул его Шимон. – Илоне родственник дал, я полагаю, точные координаты поиска, и мы обязательно чего-нибудь найдём!

– Какие там точные, – хмыкнула девушка. – Пойди туда не знаю куда, найди то, не знаю что. Но найдём обязательно! Я тоже это чувствую.

– Ваши бы слова да Господу Богу в уста, – проворчал Ярослав, но больше возражать не стал.

Холмы Иудейской пустыни ближе к Мёртвому морю постепенно превращались в скалы, только ни одного кустика рододендрона, ни стрелок пустынного осота нигде не было видно. Иудейская пустыня была прообразом народа этой страны когда-то уничтоженной, но искусственно возрождённой к жизни.

Причём, большинство населения возрождённой страны разговаривало либо на запрещённом русском, либо на идише. Мало кто из правоверных евреев знал настоящий иврит. Впрочем, с лёгкой руки Голды Мейер во всех школах иврит был уже давно включен в обязательные программы обучения, но современный иврит был ничуть не похож на давно забытый и почти утраченный еврейский язык. То же касалось и арамейского, на котором большинство населения Израиля разговаривало две тысячи лет назад в годы распятия Христа.

Поэтому изначальные переводы Пятикнижия Моисея на греческий оставляли желать лучшего. То же касалось и Библии, особенно более поздних переводов на греческий, русский и английский языки. Следует отметить также, что примерно через поколение после распятия Иисуса Иерусалимский храм был потерян для иудаизма. Еврейским центром стала раввинская школа в Иавнее. Тогда же появились первые христиане, у которых Саваоф приравнивался к Иисусу, то есть впоследствии узаконенное Троиединство. Нельзя забывать, что сам Иисус Христос, находясь на земле, то есть в человеческом теле, никогда не был христианином, а жил и умер как иудей, чтущий Законы иудаизма.

Так или почти так думал по дороге Ярослав. Одышка его уже перестала мучить, сознание прояснилось и в голове стали возникать не только воспоминания прочитанных текстов, а целые образы, будто живописные иллюстрации к вычитанному и запомнившемуся содержанию мистической книги природных Истин.

– «Когда вы познаете себя, тогда вы будете познаны, и вы узнаете, что вы – дети Отца живого»,²⁰ – машинально произнёс Ярослав.

– Вижу, Ярик, у тебя башка заработала, – обернулся к нему Шимон. – Значит, в недалёком будущем нас точно ждёт успех. Илона права.

– Если что-то найдём, я буду рад, – пожал плечами Ярослав. – Только иметь бы представление: что мы ищем?!

---

¹⁹ Эль-Халиль – Хеврон.

²⁰ Евангелие от Фомы, (ii,32:25–33:5 in robinson, the Nag Hammadi Library in English, c.118).

– Считай, что клад, – парировал Шимон. – Ведь кладоискателям всё равно, в каких сундуках или кувшинах к ним в руки попадёт вожаделенное сокровище. Важно, чтобы попало.

– Наш случай гораздо тоньше, – возразил Кузнецов. – Нам важно не только найти сохранившиеся до наших дней рукописи, но и суметь перевести их на современный читабельный язык.

– О, Господи! – хлопнул себя по лбу Шимон. – Я в суете кромешной забыл похвастаться, что Илона – не только наш прямой руководитель. Она профессиональный и проверенный знаток исчезнувших языков, особенно еврейских. А к тому же знает криптографическую историю этрусков.

– Это правда? – недоверчиво обратился Ярослав к Илоне.

– Конечно, – кивнула та, не оборачиваясь. – Я с раннего детства изучаю еврейский язык. Так вышло, что юные годы мне пришлось провести в московской коммуналке. Это, к сожалению, участь большинства москвичей. А наши соседи были евреями девяносто шестой пробы. Соседка тётя Циля умела на свой лад пересказывать Талмуд и все дети, кто её слушал, полюбили еврейский народ не за склочность, не за чопорность, не за поклонение Золотому тельцу, а за то, что именно этот народ считался почему-то избранным Богом. И Господь пришёл к людям виде обыкновенного еврея, который до зрелых лет не мог до конца поверить, что является Богом во плоти...

Тут машину понесло юзом по каменистому склону, но Илона ловко сумела выровнять и вернуть машину на почти проезжую горную тропу.

– Илона! – воскликнул Шимон. – Вы не на лекции сейчас по языковедению! Поверьте мне на слово, что некоторые поисковики из вашей команды ещё не готовы отправляться на тот свет!

– Ладно, не шуми, – попытался успокоить его Ярослав. – Не перевернулись же!

Тем не менее, Шимон ещё несколько минут что-то ворчал себе под нос, но попутчики не обращали на него внимания, поскольку перед ними открылся вид Мёртвого моря. Машина археологов находилась сейчас на плоскогорье, но с этого места знаменитое Мёртвое море просматривалось и манило к себе как голубое Средиземное или бирюзовое Адриатическое.

На побережье раскинулся небольшой городок. Видимо, это и был тот самый Эть-Геди. Илона туда заезжать не собиралась и повернула на дорогу, уходящую к югу от города.

– Похоже, скоро мы окажемся у заветного камня на перепутье, – не обращая ни к кому, высказался Кузнецов. – Кажется это в Мецаде?

Но поскольку он высказывал соображения ни к кому не обращаясь, то и спутники его не посчитали нужным поддерживать беспцельную болтовню. Ясно было, что именно в Мецаде должно что-то произойти, если должно...

– Кстати, я думал возле Мёртвого моря воздух похож на морской, а здесь он больше смахивает на московский.

– Что вы имеете в виду? – полуобернулась к нему Илона.

– Всё очень просто, – поспешил ответить за приятеля Шимон. – По всей земле средняя составляющая воздуха представляет 78 % азота, 16 % кислорода и остальные 6 % – всякие примеси, включая углекислый газ. Но в Москве углекислый газ из-под машин съедает половину отпущенных природой 16 %. Поэтому Москва попросту задыхается и степень загазованности ничуть не отличается от здешней, хотя сильного автомобильного движения нигде не видно.

– Над Мёртвым морем иногда случается серная загазованность, – пояснила девушка. – Во всём этом, как оказалось, виновна береговая почва, равно как и морское дно. Еврейские медики вовремя обратили внимание на это и сейчас продают грунт для грязевых ванн по всему миру. Неужели не слышали?

– В России вообще-то, излечиваются древними народными средствами, – философски произнёс Ярослав. – К чему русскому мужику чужая грязь, когда у него своей хватает?

Плоская шутка вызвала улыбку на лице сидящей за рулём женщины, и Ярослав остался доволен. Меж тем впереди действительно показалась развилка. Только вместо камня у дороги высился столб со множеством указателей. Илона даже притормозила, чтобы разобраться с надписями и не спутать направления. Но перекрёсток был именно тот, потому что девушка удовлетворённо кивнула на уходящую в ущелье дорогу:

– Нам туда. Есть информация, что именно здесь наблюдались небольшие сдвиги земной коры, значит, надо будет исследовать все имеющиеся на сегодняшний день провалы, гроты и пещеры.

– Позвольте, мы же не спелеологи? – возразил Ярослав.

– А никто вас в глубину пещер и не гонит. Важно только осмотреть – нет ли чего любопытного в самом начале. Ведь случай нахождения Кумранских рукописей повторялся не однажды. Это ущелье прославилось тем, что здесь не единожды собирались зелоты. Правда, никакого подземелья в этих местах ещё не обнаружено, а вот рукописи могут храниться где угодно. Я полагаю, что у зелотов было в обыденности закладывать для сохранения документы в керамические сосуды, запечатывать их наглухо и складывать в каком-нибудь гроте или пещере. Потом вход наглухо заваливался, а место хранения документов передавалось изустно. Но с гибелью Иисуса Галилеянина и Цаддока сведения о пещерных хранилищах были утеряны.

– Что ж, – согласился Шимон, – За нами будущее, как говорил пророк Михей. – Что не нашли до нас, то мы не упустим.

– Вернее, постараемся не упустить, – поправил его Ярослав.

Илона решила оставить машину в начале ущелья и разделила участки крутых скалистых склонов на три части. Поисковики разбрелись по своим участкам, но никому из них не попадалось предполагаемое начальницей археологическое сокровище, хотя пещер, гротов и провалов здесь было хоть отбавляй. Видимо, зелоты использовали для хранения документов пещеры в других ущельях, либо у них были причины не оставлять никаких сакраментальных бумаг в местах общих сборищ.

У всех троих не исключая Илоны после долгого, упорного и бесплодного поиска веры в находку поубавилось, но она ещё не потухла совсем, поэтому все трое продолжали трудиться, не обращая внимания на давно уже пропущенное время обеда. Начальница поисковой группы, как и её подчиненные, была одержима во время поисков, особенно в те моменты, когда выполняемая работа обещала обернуться творческим процессом. Ведь именно этого все трое ожидали в будущем.

Но время тянулось, солнце склонялось к западу и надо было решать: либо возвращаться ни с чем, либо отыскать ближайший населённый пункт, где можно рассчитывать на ночлег, либо прямо здесь в ущелье разбить походный бивак с костром, печёной картошкой и байками о разных разностях в археологическом прошлом, переплетаемых ссылками на малоизвестные исторические факты.

Но вдруг застойную тишину ущелья разорвал человеческий крик, тут же отразившийся эхом и поднявшийся высоко в небо, как взбалмошная птица. Илона как раз вышла из очередного, осмотренного ею грота и увидела на одной из противоположных скал ущелья суматошно подпрыгивающего и машущего руками Шимона. К нему со всех ног уже бежал Ярослав Кузнецов, тоже что-то крича на ходу.

– Неужели нашёл?! – спросила вслух сама себя Илона, и сердце у неё предательски сжалось, будто пролетающий мимо ангел пропустил через девушку электромагнитную искру высокого импульса.

В следующее мгновение она уже побросала на землю куртку, рюкзак, альпеншток и также бежала на ту сторону к прыгающему и орущему благим матом Шимону. Изрядно запыхавшись, Илона наконец-таки добралась до своих подчинённых. Оба возбуждённо что-то обсуждали, поочередно тыкая пальцем в видневшуюся неподалеку горную расселину.

– Что у вас тут? – прервала их споры прибывшая на место происшествия начальница.
– Нашёл! Я нашёл, Илона, то, что вы предвидели! – страстно выпучив глаза, доложил Шимон. – На дне этой расселины стоят несколько кувшинов!

– Вы уже достали хотя бы один?

– Нет, он только увидел горшки, – ответил за Шимона его друг. – Надо опускаться с подстраховкой, как положено.

– А есть ли там чего? Вы не ошиблись?

– Конечно, есть! – принялся горячо доказывать Шимон. – Я сначала влез в щель насколько возможно. Затем попытался осветить лучом фонарика дно и уронил его. Фонарик упал, но так удачно, что любой может увидеть бок амфоры в луче света. Да вы и сами загляните, не бойтесь.

Илона так и сделала. Протиснувшись насколько можно в горную расселину, женщина ясно увидела далеко на дне луч света, в котором виднелся округлый бок глиняного кувшина. Камень не мог оказаться просто отполированным куском базальта, потому что такую овальную форму не могли принять даже камни, веками пролежавшие под мускулистыми струями горных рек.

Девушка вернулась назад к мужчинам и утвердительно кивнула:

– Похоже, там действительно что-то есть. Но поскольку вы, Шимон, первооткрыватель, вам и карты в руки. Полезете в расселину, а мы вас подстрахуем. Тем более, что вам по телосложению легче будет там протискиваться, чем нам с Ярославом. Вот только удалось бы кувшины вытащить.

– Вытащим, куда они денутся, – хохотнул Шимон, достал из своего рюкзака моток альпинистской верёвки и пристегнул к поясу, не забыв пропустить контрольный захват между ног.

– Готов? – осведомился Ярослав. – Тогда пойдём. Нечего терять время. Если получится, то надо поднять наверх всё, что там есть до темноты.

– Успеём, – уверил его Шимон и направился к расселине.

Надо сказать, что на дне горного провала находились такие же сосуды, какие нашёл когда-то бедуин Мохаммед ад-Диб. Всего их оказалось шесть. И пока мужчины были заняты подъёмом керамических посуды, Илона не утерпела и вскрыла один из кувшинов. Это категорически воспрещалось уставом института, но женское любопытство зачастую бывает сильнее всяческих запретов и ограничений. В глиняном кувшине оказалось несколько туго свёрнутых пергаментных свитков.

Развернув один из них, Илона впиалась глазами в прекрасно сохранившиеся тексты. Увлёкшись, она и не заметила, как её подчинённые окончили поднимать из расселины найденные кувшины, как уставший, но радостный Шимон поднялся наверх и как оба мужчины подошли к своей начальнице, развернувшей на брезенте заинтересовавший её пергамент.

Илона стояла на четвереньках в довольно авантажной позе, читала, шевеля губами, текст на пергаменте и тут же делала записи на чистом листе бумаги. Мужчины деликатно молчали, наблюдая за увлечённой начальницей, но Ярослав, то ли случайно, то ли понарошку кашлянул в кулак. Илона подняла на них сияющие глаза:

– Ребята! Вы не представляете, что мы нашли! Я уже принялась переводить. Это похоже на устав общины ессеев. Представляете?

– Нет, – честно признался Шимон.

– Ессеи никогда и никому не сообщали о внутренней жизни общины, то есть не выносили сор из избы, как у нас говорят. Но известно, что в этой общине провёл детские и юношеские годы сам Иисус Христос! Более того, он со своим учителем однажды ездил на Тибет в Лхасу. А оттуда, говорят, ещё куда-то, то есть посещал Шамбалу!

– Вот это да! – присвистнул Шимон.

– Я тебе говорил как-то об этом, – включился в разговор Ярослав, – да ты слушать не захотел. Давно уже стало известно, что Иисус посещал царство Десяти Городов, что когда-то было в нашей Западной Сибири. От этого царства уцелела только столица – Аркаим. Но об этом после как-нибудь. Я хочу знать, что нам перевела Илона.

– Извольте, – улыбнулась девушка и подала мужчинам исписанный ею лист бумаги:

«...весь этот Устав пусть исполняют они в тот [день], стоя против станов каттийских. А после того как священники протрубят им в трубы напоминания, раскроются по[ходы боевые, и будут вы]ходить бойцы. И протрубят им священники вторичный клич [для сбли]жения. И когда они восстанут вблизи шеренги киттиев, достаточно для метания, каждый поднимет свою руку с орудием. А шесть [священников затрубят клич в т]рубы сражения гласом резким и тревожным, чтобы управлять боем; и левиты и весь народ, держащий рога, затрубят [боевой клич] громкогласно. Когда раздастся этот глас, руки их начнут валить сражённых киттиев».²¹

– В скобках мои авторские дополнения, – сразу же объяснила Илона. – Арамейский текст довольно сложен, а еврейские летописцы в то время иногда позволяли себе допускать вольности в документе.

– Вот как? – прищурился Шимон. – Может быть я не прав, но этот документ, скорее всего, относится не к Уставу ессеев, а к жизни секариев.²² Кстати, Иуда Искарот тоже принадлежал к секариям и предательство его объясняется тем, что зелоты разочаровались в Иисусе, как в своём земном царе. Ведь за день до распятия он был помазан миррой, как истинный владыка, но не взбаламутил народ против римлян, а наоборот сказал, что если на монете изображён император, то отдайте ему монету: Богу – Богово, кесарю – кесарево.

– погоди-ка, друг мой, – перебил его Ярослав. – Выходит, предательство Иуды – это воля иудейского народа, а не вожденные тридцать серебряников кем-то одним?

– Конечно! – воскликнул Шимон. – В те времена существовали такие же политические течения, что и сейчас! Народ в Иерусалиме другой, а законы всё те же. И недаром зелоты вопили из толпы: «Распять Его! Пусть кровь Его будет на нас и детях наших!».

– Ладно, смеркается уже, – прервала их беседу Илона. – Надо отнести всё в машину. Начало есть. Дальше видно будет, что это за документы, и какие исторические факты мы сможем раздобыть через века.

---

²¹ garcha martinez, the war Scroll, (XVI, 3–8, с. 111)

²² Секарии – воинствующие зелоты пытавшиеся добиться избавления от римской оккупации исключительно военными действиями.

Глава 4

Любой, живущий на земле, понимает своё Божественное начало и верит в него, только не каждый к нему стремится. Хотя душа человеческая может развиваться в физическом теле только за счёт внутреннего огня. Давно известно одно откровение, считающееся иногда просто апокрифом: «Я есмь огонь внутри себя, огонь служит мне пищей, и в нём моя жизнь».

Это ли не ответ на многие вопросы, возникающие во все века среди людей? Но даже во времена Гермеса Трисмегиста люди иногда говаривали, что человек только тогда и стал свободным человеком, когда взял в руки палку и приручил огонь! Приручил?! Разве можно приручить нечто, находящееся самоё в себе? Разве можно управлять по воле своей движением солнца, луны и звёзд? Человек даже в отдалённые времена своего существования просто жил и просто размножался по велению Божию. Зачем ему на тёплой планете нужен огонь? Не реальнее ли будет предположить, что любой разумный просто убежал бы от огня, как все остальные животные.

Меж тем, человек всегда находит в огне часть себя самого. Он тянется к нему, как ребёнок к матери. Не странно ли? И это в то время, когда другие земные твари убегают от огня, как... от огня.

«Огонь и тепло дают ключ к пониманию самых разных вещей, потому что с ними связаны неизгладимые воспоминания, простейший и решающий опыт каждого человека.

Огонь – это нечто глубоко личное и универсальное. Он живёт в сердце. Он живёт в небесах. Он вырывается из глубин вещества наружу. Он прячется в недрах материи, тлея под спудом, как затаённая ненависть и жажда мести.

Из всех явлений он один столь очевидно наделён свойством принимать противоположные значения – добра и зла.

Огонь – это сияние Рая и онгоновое пекло Преисподней, ласка и пытка. Это кухонный очаг и будущий конец мира... Огонь противоречив, и поэтому он был, есть и будет универсальным началом объяснения Божественного мира».²³

Так, или почти так думал молодой человек, стоящий на коленях в пещере у огня. Воздух был свеж, но не сквозил пронзительным холодом, а огонь нужен был затем, чтобы неопит познавал сущность человека в этом мире и принимал или же отвергал понятие им и выдвигал своё определение природы внутреннего человеческого огня, которым живёт каждый на этой земле и который загорается от энергетического потока земли.

В пещере, где множество гротов использовались как отдельные кельи, жили послушники. Этот храм ессеев был не каким-нибудь катакомбным убежищем от окружающего мира, Собственно, именно в этом мире никуда и ни от кого не убежишь, как ни старайся. Но у каждого народа есть свои жизненные правила, которые необходимо соблюдать, если не хочешь превратить свою жизнь в сплошной хаос.

Днём и вечером неопиты пещерного храма собирались на молитву, послушание, учёбу собственного духовного «я» и для созерцания путей в запредельное прошлое, будущее и настоящее. На ночь каждый из учеников оставался в отведённом ему месте и во сне также пытался понять истину, без которой земное существование было бы ничтожным.

Ведь не поняв себя, никогда не поймёшь произносимой молитвы. Не научившись жить и думать добрыми мыслями, будешь постоянно подвержен искушениям, страстям, неистовой лжи. К такому пониманию тоже приходили не скоро, а иные и вообще не находили пути. Но среди ессеев старались не допускать промашек, ибо в таком случае страдает не только один человек, а всё общество, принявшее ученика, переносит опустошение.

---

²³ g. bachelard. l'home du poeme et du theoreme. Colloque de centenaire. Digon, 1986.

И после такого опустошения каждый из ессеев испытывал долгое время нехватку внутреннего огня, потому что мощный поток биологической энергии космоса становился недоступен. А поток земной и космической энергий – это есть та самая цена жизни, на которую согласен человек.

Другими словами, цена жизни – это сплошные безвозвратные потери. И у каждого живущего есть награда жизнью, то есть предварительное соглашение с Богом на будущую смерть. И любая мать, родив дитя, обрекает тем самым его на будущую смерть, поэтому женщины бывают чаще опасны, чем полезны не по незнанию, а по природе своей.

Тело послушника было покрыто белой льняной тогой. Такие в Египте носили только жрецы, а в этом месте... в этом месте в белые одежды полагалось одеваться всем посвящённым. В чём здесь была мистерия посвящения? Не через обычный ли огонь получали adeпты доступ к космическому или райскому огню?

Про это не принято было говорить, но посвящённый получал свыше способность общаться с Царствием Небесным. И когда впервые обычный до этого человек начинал разговаривать с ангелами и с потусторонним миром, это мог перенести и принять на себя далеко не каждый.

Вся мирская жизнь бледнела перед таким общением. Чтобы понять существование других миров, необходимо было увидеть их соседство. Ведь человечество на земле не может же быть единственным на раскручивающихся кольцах космической и временной жизни.

Ангелы тоже не могут жить и постоянно находиться среди нас. Просто им тут темно. Adeпт во время мистерии сразу начинал различать множество других цветов и запахов, поэтому сознание не всегда выдерживало такую нагрузку. Но каждый из неофитов стремился к познанию истины, иначе, зачем жить на этом свете? Если человек сам себе задавал такой вопрос, значит, он готов до конца пройти путь посвящения. А откроется ли после этого истина или же придётся расставаться с жизнью – этот вопрос уже ни кого не интересовал.

Настоящая истина вспыхивала в душе белым лотосом, подогревающим духовное единство с Богом. Внутренний мир послушника получал это единство, когда на ночь тот оставался наедине с самим собой, а лучше с частицей внутреннего и внешнего пламени. Именно тогда человек познает себя и сможет передать что-то другим. Внутренний огонь никогда не станет пламенем онгона,²⁴ если сам человек на это не согласится. Именно здесь происходит договор с inferнальными силами, отнюдь не соблазняющими человека на что-то злобное, а просто ставящего перед ним дилемму двух дорог. Какой сделает выбор человек – это знает только он сам, и только на своём выбранном пути ему предстоит собирать одуванчики, незабудки, розы или же простой чертополох, переплетённый ветвями шиповника.

Послушник, дав волю духовному пламени, мог созерцать весь мир одновременно и каждого человека в отдельности. Если adeпт шёл с открытой душой навстречу космическому огню, то душа Вселенной была раскрыта перед ним, как обыкновенная книга. Более того, душа любого человека также раскрывалась, как тот самый цветок лотоса.

Но постичь такое, и понять можно было только в одиночестве. Может быть, поэтому прошедшие мистерию посвящения в храме ессеев были всегда одиноки, поскольку путь Екклесиаста²⁵ исполняется только в одиночестве. Давно известно, что одиночество – великая вещь! Только всегда нужен кто-нибудь рядом, чтобы можно было поделиться со слушателем, что одиночество – великая вещь! Она действительно становится великой, когда хоть один человек тебя понимает и высказывает согласие. И только тогда Екклесиаст может понять, что проповеди его не пропали даром.

---

²⁴ Пламя онгона – адский огонь.

²⁵ Екклесиаст (др. евр.) – проповедник.

Но сейчас над миром сущим склонялись прозрачные небесные существа, послушник чувствовал их любовь, заботу и стремился ответить тем же, хотя ещё не знал, как это сделать. Потусторонние ангелы хотели всегда хранить его, оберегать от призрачных мрачных теней нашего графического мира, где inferнальная сила имеет свою неделимую власть, но пока не получили на это права. Каждый из живущих должен был понять свое происхождение и смысл воссоединения всего живого.

– Мы умоляем Тебя поразмыслить, – говорили они послушнику, – над тем, что существует и над тем, что необходимо для будущего. Только в этом мире ты сможешь получить доступ к той безраздельной живительной энергии, за счёт которой живём и мы.

Исходящий с небес чистый свет вызывал любовь и нежность ко всему сущему. Волны удивительного света действительно несли и дарили настоящую любовь. Никакой человек, прикоснувшись к такому потоку, никогда уже не смог бы смириться с насилием или агрессией, так расплодившимися среди живых. Это было одним из первых великих откровений, и послушник понимал духовную связь между прошлым и будущим.

Слова, приходившие сверху, становились плотью и разливались по телу волнами благодати и истины. Становилось понятным, что только через любовь можно коснуться истины. Это было особым религиозным сознанием, которое возникало совершенно независимо от физического существования.

Не было и не рождалось никаких сомнений в таком единичном союзе, потому как душа послушника с получением света и помощи, одновременно училась смирению во всемирном духе, во всемирной истине, которая являла собой всеобщий поток, струящийся в какую-то волшебную неизвестность. Когда человек, засыпая на ночь или навечно, попадает в другой мир, другое пространство, он видит то, что является только в тот краткий миг. Поэтому все живые с уверенностью утверждают, что после смерти человека ожидает либо ад, либо рай. Третьего не дано! Только такого просто не может быть. И никто не знает, что будет там, после ада и рая? А там – та самая неизвестность, имя которой Любовь!

Что могло дать проповедническое одиночество во снах? Братья, с которыми он жил в пещере, быстро заметили его соотношения с Вышним миром, поэтому он получил особую благодать посвящения, дар пророчества и неприметное для глаз общение с потусторонним миром, куда принимали не каждого.

Это для жителей пещеры было отметиной во всех делах и на всяческих умственных решениях сказывалось тем ощущением связи с вышним миром, которое имел не каждый. Нужно было научиться справляться с человеческими страстями, с ненавистной ложью, с печальными помыслами и унынием. Умение бороться со страстями давалось от Бога только тем, кто обладал небесным союзом.

Послушник был принят сюда, как брат и приветствовался, как Избранник. Кто его родители и откуда он родом не знал почти никто. Только Закхей, первосвященник ессеев, приведший мальчика в храм, знал кто он и откуда родом. Но за все годы учения к неопиту не приезжали родители, чтобы проведать своё дитя. И мальчик тоже никуда не отлучался, за исключением одного раза. В то время Иисус, а это был он, числившийся в учениках и исполняющий законы храмового послушания, был уже довольно взрослым и вместе с первосвященником ездил в Индию и царство Десяти Городов, что раскинулось в Западной Сибири. Никто не знал зачем Иисус и Закхей посещали древний Тибет и Аркаим, но что побывали там не зря, понимал каждый из адептов и монахов этого духовного святилища.

Теперь Иисус обрёл ещё какие-то страницы мистического посвящения. Он умел теперь оказывать непреодолимое влияние на своих учителей и прочих неопитов благодаря исключительному превосходству над всеми живущими в этом мире. Но сам не ощущал и не выказывал никакого превосходства, потому как человек не рождён командовать, или распорядиться судьбами окружающих, равно как и своей судьбой. Хотя знал и понимал он, что каждый из

живущих выбирает сам свою дорогу. Часто оставшись один в келье, стоя на коленях у пламени, Иисус произносил только одно:

– Отец мой, я не делаю то, что хочу, а чего не хочу – то делаю! Да будет воля Твоя, а не моя. Не даждь мне уснути во греховной смерти!

Надо сказать, что в этой храмовой пещере, находящейся недалеко от Мёртвого моря, уже с древних времён была школа ессеев, но никто их пока не трогал. Внешние переселенцы-кочевники и даже осёдлый народ Малой Азии не знали и не интересовались, почему ессеи устроили школу в пещере, превратив её в свой монастырь.

Это всегда осталось исторической тайной, потому как ессеи никогда никому не говорили о своих делах. Многие из них жили совсем недалеко, в городке Енгадди, тоже находящемся вблизи Мёртвого моря. Также людей этих можно было встретить в любом конце Израиля, а практически о них никто ничего не знал. В мир обычных людей доходили только отдельные разномастные слухи, но никто толком сказать ничего не мог. А сами ессеи не любили промывать косточки своему племени среди любопытствующих чужаков. И этого неписанного правила никто не нарушал.

– Они служат Богу с великим благочестием, – старались высказать своё мнение израильские мудрецы об этом народе. – И чисты перед Единым Яхве совсем не какими-то внешними жертвоприношениями, а очищением своего собственного духа. Они бегут из городов и прилежно занимаются мирными искусствами. У них не существует ни одного раба, они все свободны и работают одни для других.²⁶

Но что для внешних насельников этих мест было чуть ли не чудом, для самих ессеев являлось обычными жизненными обязанностями. В общине присутствовали довольно строгие правила. Ессеи даже не каждого принимали в свою школу. А то, что почти каждый из них обладал пророческими инстинктами, было для них ничуть не удивительно.

– Что делать в мире, если многие там продолжают поклоняться либо Мамоне, либо Золотому тельцу, что, в сущности, одно и то же? – не раз повторял Закхей. – Человек может только тогда считать себя человеком, если живёт и работает не ради денег. И тогда деньги сами начинают работать на этого человека. Ведь любая денежная сумма – это та самая бессмысленная энергия, которая направится только туда и послужит тому, что скажет и сделает управляющий этой силой человек. Если же любой из живущих подчинится волне бессмысленной энергии, то в потоке безысходности почти сразу же отыщет свой конец.

Эту фразу послушник запомнил, как один из первых уроков, сделанный учителем. Ведь если Закхей привёл его к себе ещё мальчиком, видимо ни у кого среди учителей не возникало никогда сомнения в содеянном. А именно: Иисус рождён был для постижения мира через учения старцев. Подрастая, послушник понимал, что должен исполнить те повеления Отца Небесного, ради которых люди приходят в эту жизнь. Ради которых была жизнь дана и ему самому, но до конца своей роли, какую надобно было исполнить, он пока ещё не знал.

Самым важным постижением для него было обучение вечерним молитвам, недопускание в сознание лжи, словоблудия, и умения ловко выворачиваться из затруднительных ситуаций. Послушник почти сразу обучился честности, открытости, поскольку от рождения был серьёзным ребёнком, за что его, вероятно, взяли в школу, которая находилась в пещере ещё и потому, что только в таких условиях человек постигал кротость и молчаливость.

Правда, поначалу пришлось всё-таки побороться с возникшими откуда-то словоохотными демонами, пытающимися отвлечь и оторвать мальчика от учения, мол, не всё и не всегда получается сразу и не лучше ли самые важные дела вместе с мистериями отложить «на потом», как вещи, которые должны дожидаться своего часа. Но не для этого отпустили его родители, и

---

²⁶ Филон. «О созерцательной жизни».

не для этого соглашался он сам на посвящение тайных наук. Только тогда он сможет что-то сделать для этого мира и умножить уже существующие знания.

Что ожидало его после обучения, Иисус пока не представлял и не задумывался. После прохождения обучения ессеи могли жить в любом месте, в любом городе, но ни один из них никогда не был ни купцом, ни ружейным мастером. Неофит тоже никогда не смог бы стать купцом.

Но он знал, что Отцом Небесным ему уготована необыкновенная дорога. А что его ожидает – станет известно, как только настанет срок. Ведь и мать с раннего детства то же самое говорила. Иисус был уверен, она никогда не оставит сына и к мистерии Великого Посвящения придёт, вероятно, сюда. Первосвященник Закхей знает это, только пока ничего не говорит. Значит, время ещё не настало, и не промелькнула небесная звезда, предсказанная Гермесом Трисмегистом.

С самого начала обучения Иисус, пришедший в мир Сыном Человеческим, знал, что мог только здесь, именно в земной школе узнать мудрость посвящённых, которая стала много веков спустя матерью любой религии, не допускающей ненависти и церковного лицемерия. Ведь не религия нужна Богу, а вера человека! Как раз религия может и сумеет людей разобщить, превратить их в братоубийц, извращенцев и садистов, прикрывающимся крестом для оправдания насилия, но вера и любовь объединят всех. И это было главным законом.

Радостным развитием знаний Иисуса послужило знакомство с Божественным величием мысли Моисея, которому без благословения ничего не было бы дано. Ведь религиозное единство пока что существовало только в Израиле, а человеческая сущность – есть образ и подобие Бога. Если человек подходит к падению в бездну, его необходимо спасти. Тайны, раскрываемые ессеями перед молодым послушником на берегу Мёртвого моря, казались ему и чудесными, и знакомыми.

Особенно когда-то уже слышанное, узнавалось потом, как истина от рождения, или пришедшее от Бога знание:

– От начала Сын Человеческий был в тайне. Всевышний хранил Его у Себя и проявлял Его своим избранным...²⁷

Послушник уже долго жил у ессеев, которые делились с посвящённым не только знаниями, но учили познавать тайны земной природы и существующее всюду Божественное сознание.

Здесь он узнал, что Иерусалим – не самый священный из городов. Что много севернее, за Пелопонесским Понтом, есть страна Гиперборея, где люди спаслись от потопа. И там, на юге Рипейских гор,³³ была когда-то столица Семиречья или царства Десяти Городов Аркаим. Иисус побывал там вместе с Закхеем, но даже учитель не ведал того, что открылось Сыну Человеческому по ту сторону дверей пирамиды, стоящей в Аркаиме рядом с городским храмом. А кроме этого, что можно было узнать в древнем опустевшем городе, испытавшем на себе пламя онгона?

И город Аркаим, и пирамида со входом в запредельное пространство – только отдельные эпизоды царства земного. Не для этого Иисус пришёл на землю. Ведь каждому даётся жизнь, чтобы сумел человек взрастить свою душу, чтобы смог научиться дарить радость окружающим. Иначе, зачем нужна эта жизнь?

Удивительно, что в той же Гиперборее у скрещения двух рек, впадающих в Пелопонесский понт, находится вход в Аид. Это знают многие из живущих, потому что даже один из греков написал когда-то про виденный им вход в тёмное царство:

---

²⁷ Книга Еноха, (гл. XLVIII, LXI)

³³ Рипейские горы – нынешние Уральские.

«Судно дошло до предела глубокой реки Океана
Там находится город народа мужей киммерийцев»...²⁹

Адепт много думал о том, как народ этой земли сумел жить между входом в подземные владения тёмных ангелов и дверью в обитель Отца Небесного? Может быть, правду о них говорят, что люди задумали всё же принести солнечный свет и тепло в свои жилища. Они бегали по киммерийским полянам, пытаясь собрать свет в ладошки, но у обычных смертных это получается не всегда и довольно плохо, поэтому многие из них от горя обратились в камни и выстроились перед входом в царство тёмных теней и нехороших мыслей.

Почему Иисус не уставал вспоминать об этом? Просто потому, что когда он гостил у Отца своего в царстве света и благодати, мальчик узнал о будущих испытаниях, которые придётся ему перенести ещё здесь, на земле. Значит, надо будет спуститься в то царство темноты. Это не просто испытание мистерией посвящения, а нечто гораздо большее. Но когда это случится, Иисус пока не знал, значит, ещё не настала пора. Значит, жизнь надо принимать такой, какая дадена сейчас и здесь, в этом заветном храме ессеев, не так далеко от священного Иерусалима. Хотя, этот город, скорее готов к предательству, чем к чему-то большему, как и каждый житель этого города.

Иисус подозревал, что жители той страны, где ему пришлось увидеть Божий свет, не готовы ещё к подвигу. Ему пришлось беседовать с тамошними священниками на Пасху. Он тогда ещё совсем мальчиком был, но Всевышний Саваоф с ранних лет позволил Иисусу понимать и принимать мир таким, как есть, а не смотреть на всё происходящее в розовом цвете. Может быть, это для людей тоже было бы намного лучше, потому что любой человек должен чувствовать себя с самых ранних лет личностью, а не живой игрушкой родителей.

Когда-то мама, услышав это соображение, пыталась возразить, что человек тогда разучится радоваться жизни и удивляться всему, что происходит вокруг. Но ведь Иисус не разучился же?! Разве остальные дети этого мира не такие же? Не сыны Божьи? А если дети Вседержителя, то и бояться нечего. Господь не выдаст – свинья не съест. Хотя с самого детства свиньи подкидывают столько рогаток, что мало не покажется.

Дети, именно дети когда-нибудь сумеют не замыкаться в безвыходном треугольнике. Уже сейчас возникает повсюду потаённая война родителей со своими отпрысками, ведь умудрённый битый жизнью взрослый не согласится на то, что какой-то малыш соображает больше, лучше и вернее, чем он, выдавший виды и вкусивший невкушаемого?

Перед человеком есть каждый день выбор: как поступить! И только человек может сделать выбор, только он строит жизнь так, как выбрал. Зачем же тогда в самые трудные моменты обращаться к Богу и даже обвинять Всевышнего во всех, выбранных человеком, грехах? Или очень нужен «ответственный мальчик для бития», на которого свалить все свои проделки просто необходимо?!

Господь Саваоф не предлагает сынам своим ничего мерзостного, пакостного и отвратного. Зачем же человек, выбрав свой путь, обвиняет всех, и даже Господа, только не себя самого? Так принято в этом мире? так положено? так все делают? так поступают?.. Может быть, и все. Только дети, ещё не сломленные развращёнными родителями, сумеют найти правильный выход и беспечальное решение, которое устроит всех.

Возможно, это чувство и умение принимать решения – самое первое, что узнал Иисус, родившись на свет. Видеть то, что не могут увидеть взрослые, это не только дар, но и ответственность пред теми, кто обратится за помощью.

---

²⁹ Гомер, «Одиссея», перевод П. А.Шуйского.

– В этом нет ничего сверхъестественного, но есть в природе преодоление каких-то явлений, – делился однажды с послушником один из старцев. – Это преодоление, неуловимое для наших физических чувств, должно стать для тебя родственным.

Объединение души и материи на гранях видимого и невидимого, представляющий собой две стороны единой жизни, заключается в Духе, ибо если мы поднимаемся к вечным началам, к первопричинам, мы найдём, что истина природы объясняется законами разума, а законы жизни постигаются только самопознанием, опытным изучением души на той же грани.

Это просвечивание невидимого на границах видимого. Поскольку всё, невидимое нами, существует без нас, оно не должно доказывать своё существование, ибо все доказательства и стремления убеждать кого-то в своей правоте – это стрельба из пушки по воробьям. Поэтому в войне доказательств никаких побед тоже не бывает.

Иисус вспомнил, что в одной древней сказке дух тьмы, Кощей Бессмертный, показывает похищенной красавице дерево, хвастаясь при этом, мол, вот дерево, на котором листья серебряные, а яблочки золотые. Девушка подняла удивлённые брови и просто спросила: «А зачем?». Дух тьмы ничего не мог ответить девушке, кроме как, вот листья серебряные, а яблочки – золотые.

Что же касается нереального, неосязаемого, то тут тем более сложно, потому как человек чаще всего не соглашается верить в материальное существование Взгляда, Запаха, Мечты, Мысли.

Каждому живущему при одном только физическом состоянии сознания очень трудно понять реальность невидимого. Но для высшего духовного сознания физические и осязаемые явления кажутся такими же нереальными, несуществующими. Соединение же материи физической с душой нашей происходит только с помощью Духа Божьего. И если мы поднимаемся к нашим вечным началам, то поймём, что вся природа объясняется законами Разума, а законы Жизни познаются с изучением души нашей.

Любому разумному отпущена своя доля и своё постижение мира, поэтому послушник ничуть не удивился, когда старейшины приказали ему готовиться к четвёртой ступени посвящения. Каждый из общины мог получить только три ступени. К четвёртой же допускались в общине очень редко, и только те, кто особенно заслуживал такого доверия в повседневной человеческой жизни. Существуют ли после этой высшей ступени, ещё какие элементы посвящения, Иисус не знал, но подозревал, что действительно существуют и далеко не одна ступень. Иначе не было бы в народе такого понятия: век живи – век учишь.

О, это была самая заветная мечта адепта, потому что именно с познанием приходит умение чувствовать мир во всех его гранях. Но знание без духовной чувственности и проникновенности ничтожно само по себе, поэтому необходимо воспитать и разбудить в себе те чувства, которые помогут дальнейшему познанию и отдачи себя самого для указания дороги в тот самый потерянный рай, о котором продолжают тосковать люди.

Мистерия посвящения должна была произойти в том же храме, но перед этим обязательно должно было быть исполнено литургическое Богослужение. Перед такими великими праздниками никто из ессеев не спал, да и не смог бы, наверное, потому что энергетика предстоящего посвящения заражала всех.

Молитвословие началось с раннего утра, когда ещё ни один петух в Енгадди не прокричал к заутрене. В одном из пещерных залов, высеченных в недрах горы, куда в начале мистерии не допускался почти никто, собралась вся община. Возле пещерных стен находилось несколько сидений, вырубленных из камня, на которых сидели старейшины. Одетые в расшитые красными узорами льняные одежды и закрывшие по случаю праздника головы тяжёлыми покры-

валами, а лица шёлковыми сударитами,³⁰ старейшины выглядели величественным собранием судей во время поднебесных свершений.

Послушника, одетого в такую же льняную рубашку, только без расшитых красной нитью узорчатых письменных знаков, но зато подпоясанную широким голубым поясом ввели под руки в зал двое сопровождающих. Иисус шёл, опустив голову, не глядя по сторонам.

Сопровождающие поставили его перед каменным треугольным алтарём в центре зала, и каждый из присутствующих старцев по очереди прочитал священную молитву. Из середины алтаря вверх поднимался огромный символ креста, сколоченный из двух кипарисовых брёвен, а над крестом, где-то под самым пещерным сводом, блистал пятью яркими светящимися камнями венец, который, так казалось снизу, парил над крестом в воздухе без всякой поддержки. Светящиеся камни давали бледное ровное освещение всему залу, но по стенам, ко всеобщему довершению, были воткнуты в кольца массивные факелы.

Пока читались молитвы, зал постепенно заполнялся допускаемым в этот час народом, ведь у каждого в начавшейся мистерии была своя исполнительная роль. За алтарём возле глухой стены появились откуда-то с маленькими факелами в руках и пальмовыми ветвями несколько пророчиц, одетых в такие же льняные одежды, как старцы и послушник.

Девушки потихоньку запели песню на каком-то неизвестном языке. Причём, ни одну из них послушник никогда раньше в школе не видел и не слышал таких песен. Пение становилось всё громче и уже разносилось по пещере бравурным эхом, вносящим в действие какое-то необъяснимое опьянение. В первую очередь это почувствовал на себе Иисус и даже встряхнул головой, освобождаясь от колдовства священного женского песнопения.

Девушки пошли хороводом вокруг алтаря, и в этом кругу оказался сам посвящаемый. Пророчицы недолго водили хоровод вокруг Иисуса. Часть девушек отделилась, и разместилась возле алтаря таким образом, что женские спины составляли живую лестницу на сам алтарь. Иисус смотрел на это, не решаясь даже что-нибудь сказать.

– Взойди на алтарь, сын мой, – послышался сзади голос Закхея.

Адепт обернулся. Позади действительно стоял первосвященник, одетый в длиннополую мантию, с таким же плотным покрывалом на голове и сударитом на лице, но Иисус не мог не узнать священника по голосу. Неофит сделал то, что от него требовалось. Взошедши на алтарь по спинам девушек, Иисус почувствовал, что именно сейчас перед ним откроется будущее, которое он ещё не знал, но которое уже не раз давило его сознание своим наступлением.

К алтарю в круг девушек вошли двое старцев. Один держал в руках чашу с вином, другой большой кусок хлеба. Они тоже поднялись по спинам девушек на алтарь, к Иисусу. Держащий в руках потир,³¹ взошёл первым, второй следовал за ним с большой лепёшкой хлеба, выпеченной в тандыре.

– Преломи хлеб, – сказал один из старцев. – Возьми себе кусочек, а остальное раздай ближним, как сделал царь Салимский.

– Прими чашу, – произнёс второй. – Сделай глоток и передай ближним, как сделал Мелхиседек.³²

Иисус, стоящий лицом к символу креста, встал на цыпочки и дотянулся губами до перекрестья. Поцеловав крест, неофит отщипнул кусочек хлеба, запил из чаши вином и передал всё жрецам, которые тоже повторили Причастие посвящаемого.

Чашу с освящённым вином и хлебом пустили по кругу. Когда каждый из присутствующих сделал глоток и съел кусочек хлеба, вдруг откуда-то в закрытом пещерном гроте возник ветер, и факелы в руках пророчиц погасли. Не погасли только пять светящихся камней

---

³⁰ Сударит (арам.) – плат, закрывающий лицо. Впоследствии сударитами обязательно закрывали лица умершим.

³¹ Потир – Молитвенная чаша.

³² Библия (Быт. 13:17). Прообраз Святого Причастия, поднесённый Мелхиседеком, царём Иерусалима, Аврааму.

под сводом пещеры. Они, как пять сияющих звёзд на чёрном небосклоне сияли над головой послушника, предрекая ему путь, который он должен будет пройти в этом мире.

Ведь звезда из пяти лучей совмещает в себе истинно Божескую Любовь и Познание. Именно к этому и стремился адепт. Хотя после посвящения на алтаре он не был уже адептом, он был жрецом, но не религии, а веры. Веры в Бога и в Божественное начало. Без этого ни одна религия не могла существовать на земле.

В навалившемся внезапно молчании вдруг прогремел сильный нечеловеческий голос:

– Жизнь Твоя предстоит, чтобы вывести братьев из темноты. Восстань и говори!..

Иисус так и сделал. Спрыгнув с алтаря, он принялся каждого по отдельности выводить из молитвенной залы за руку, а сам ушёл последним, но на всю жизнь запомнил слова, прозвучавшие в темноте пещерного грота, тем более что фразу эту не произносил никто из присутствующих ни в годы обучения, ни после посвящения.

За всё время, проведённое в храме ессеев, Иисус мог с закрытыми глазами определить голос каждого, а этот, прозвучавший ниоткуда... послушник даже не мог определить направления, откуда прозвучало жизненное благословение.

– Спасибо, Отец мой! Ты не оставляешь меня, – наконец произнёс он. – Не ведаю мыслей Твоих, Господи! Но пусть будет не моя воля, а Твоя. Сделай так, как должно мне.

Глава 5

Ярослав шёл по ночному Иерусалиму впервые и находил его ничуть не хуже ночной Москвы. Но никак не лучше российской столицы, во многом американизированной при помощи современного правительства. И всё же трудно отыскать на планете другой город, содержащий подобную энергетическую ауру. Ярослава Кузнецова радовало в настоящий момент совсем другое, а именно, что даже в далёком зарубежье пришлось работать в одной команде с бывшими москвичами. Ярославу это казалось предзнаменованием чего-то грандиозного.

Собственно, грандиозное уже произошло. Привезённые в израильский исторический институт кувшины с найденными документами оказались ценнейшей находкой, когда-либо попадавшей в руки археологов.

При возвращении назад в Иерусалим, вёл машину Шимон по просьбе Илоны. А девушка забралась на заднее сиденье джипа и всё колдовала с переводом уже добытой из кувшина рукописи.

– Да хватит вам, – полуобернулся к ней Шимон. – Успеем ещё ознакомиться с найденными документами в лаборатории.

– Кстати, – подняла на него глаза Илона. – В институте никто не должен знать, что один из документов я уже достала из амфоры. Договорились?

– Это ещё почему? – не понял Шимон.

– А потому, – ответил за Илону Ярослав. – По идее сосуды должны вскрываться только в специальных боксах. А перед этим все горшки должны быть обработаны высокочастотными волнами и просвечены рентгеновскими лучами и чем-то там ещё. Всё это входит в обязательную программу работы с древними рукописями. И чтобы они не рассыпались при вскрытии, применяют всяческие околонуточные операции. Нашей начальнице здорово повезло, что документ оказался в великолепной сохранности, иначе за такой пергамент ей голову оторвали бы. Я прав?

– Ещё как, – вздохнула Илона. – Не выдавайте меня, мальчики!

– Замётано! – в унисон обещали оба.

А когда прибыли в институт, мужчины даже меж собой, не сговариваясь, старались не упоминать небольшой прокол их начальницы. Работали в лаборатории с утра и до утра. Проводили вскрытие кувшинов как положено, по всем правилам. Сразу же знакомились с содержанием очередного текста, и параллельно решили сделать углеродный анализ самих пергаментов.

Такое решение было принято после очередного вскрытия одного из керамических сейфов: бумаги в кувшине при вскрытии просто рассыпались, превратились в песок. Но это произошло потому, что в амфоре хранились только папирусы. Оказалось, папирус гораздо больше подвержен эффекту полураспада, чем пергамент.

Остальные рукописи не особо капризничали и предьявляли искателям много новых фактов о временах двухтысячелетней давности. Здесь действительно нашёлся Устав ессеев с обрядовыми богослужениями, а также летопись хозяйственного существования общины. Казалось бы, что можно интересного выудить из хозяйственно-бухгалтерских отчётов? Однако Илона из ничего не значащего на первый взгляд учёта сумела выделить и составить реальное житие общины ессеев в первом веке до новой эры и в первом веке уже после Рождества Христова. Получалось, что если Иисус в юношеском возрасте жил среди ессеев, то вполне возможно было обнаружить хозяйственные затраты либо на него самого, либо на первого учителя мальчика первосвященника Закхея.

Правда, Ярославу идея восстановления быта общины казалась довольно-таки сомнительной, а Шимон наоборот, загорелся от неадекватной искры и сорил этими искрами, где надо и не надо.

Ярослав зашёл в ночное кафе, взял себе бокал аперитива, присел за столик и по своему обыкновению начал прокручивать события минувшего дня. Но вспоминать, в общем-то, было нечего. Ближе к полудню ему пришлось уехать из лаборатории института, чтобы навести справки и получить заверенные заключения из криминалистической лаборатории углеродного анализа. Работа криминалистов-углеродчиков тоже была интересной, только очень уж тягомотной. Больше семи часов убил Ярослав на окончательные заключения экспертов. Зато сейчас не оставалось никакого сомнения в том, что найденные документы двухтысячелетнего возраста и что написаны они были именно в то время, когда Сын Божий явился на землю в человеческом теле.

Ярослав забрал все заключения с собой, но возвращаться в институт уже не имело смысла, поскольку стражи порядка, наверное, давно разогнали всех сотрудников. Правда, Илоне удавалось иногда задерживаться чуть ли не до утра, потому что она приходилась племянницей проректору исторического института и на её женские капризы охранники старались не обращать внимания. А вот Шимон, вероятно, уже давно в гостинице. Ярославу не терпелось поделиться с другом своими новостями, а заодно узнать, что нового появилось в работе с документами, пока он отсутствовал. Ярослав набрал на мобильнике номер Шимона и тот почти сразу же ответил:

– Ярик, привет, дружище! Хорошо, что не забываешь. Как дела?

– Да, я друзей не забываю, а вот у кого-то память отшибло, что не мешало бы немножко пораньше звякнуть и спросить – как дела?

– Ну, не ворчи, старик, не ворчи, – примирительно забормотал Шимон. – Ты же знаешь, без твоего ведома мы с Илоной никаких ответственных шагов предпринимать не стали.

– Каких шагов? Что ты мелешь? – не понял Ярослав. – Что там у вас сегодня стряслось?

– Да ничего особенного, в общем-то...

Ярослав Кузнецов не один год знал Шимона. Вместе им приходилось не раз выкручиваться из сложных бытовых ситуаций. Но у них всё получалось слаженно. Только пару раз не удалось удачно преодолеть жизненные рогатки, и оба раза Шимон начинал нести примерно такую же чушь.

– Так, Шимон, – в голосе Ярослава зазвучали стальные нотки. – Значит так, либо ты немедленно и подробно мне всё рассказываешь, либо считай, что наша дружба тебе просто приснилась.

– Ладно тебе, Ярик, не кипешишь, – попытался успокоить друга Шимон. – У нас действительно кое-что случилось сегодня... Ну и нюх у тебя!

– Колись, не заставляй меня превращаться в чайник без свистка!

– Послушай, я ничего не собираюсь скрывать, – в тоне Шимона чувствовалось искреннее желание поделиться с другом душещипательными новостями. – Но согласишься, не по телефону же мне всё рассказывать!

– Хорошо, – согласился Ярослав. – Я сейчас завис в кафе недалеко от гостиницы. Быстро подруливай сюда, а я пока закажу тебе «Бурбон» со льдом.

– Лады, – буркнул Шимон и отключился.

Ярослав снова хотел набрать номер Шимона, потому что не успел сказать ему название ночного кафе, но передумал, поскольку ближайшее к гостинице ночное заведение было только это. К тому же друзья несколько раз уже «зависали» здесь и вряд ли Шимон будет искать Ярослава где-либо ещё. Так и случилось. Шимон показался вскоре, но растрёпанным видом своим смахивал вовсе не на избранную личность избранной нации, а на выдавшего виды московского бомжа. Ярослав окинул друга удивлённым взглядом и даже присвистнул:

– Шимон! Я подозреваю, что в университете сегодня действительно произошло что-то грандиозное. Или я ошибаюсь?

– Да нет, наверное, ничего особенного...

– Постой! Так могут говорить только настоящие московские евреи. На данный момент ты говоришь «да», «нет» или «наверное»? Или три в одном, как положено? Рассказывай, что случилось.

Только Шимон и не думал так вот сразу сообщать любопытные новости, тем более, что его откровенно назвали московским евреем. Он хитро посмотрел на приятеля, отхлебнул глоток «Бурбона» и делано откашлялся.

– Знаешь, Ярик, я не хотел беспокоить твоё сознание до утра, потому как утро вечера мудренее и сегодня не предугадать завтрашнего утра, но твоя проницательность...

– Оставь в покое мою проницательность, – перебил его Ярослав. – Не заставляй клещами вытаскивать из тебя в час по чайной ложке. Не буди во мне зверя.

– Хорошо, хорошо, – согласился Шимон. – Я же хотел как лучше...

– А получается как всегда.

– Ты дашь мне хоть слово сказать, наконец-то в конец?

– Говори. Я тебя внимательно слушаю.

– В общем... В общем, когда ты ушёл, мы приступили к вскрытию очередной амфоры. Илона как всегда просвечивала сосуд рентгеновскими лучами, то есть делала своеобразную томографию предмета, а я... в надеждах жизнь прошла, а светлых дней так и не увидел...

– Ты о чём это?

– Об Илоне.

– Слушай, Шимон!..

– Нет, это ты слушай! – заупрямился Шимон. – Сам вынудил меня к честному признанию, а когда я к этому уже вполне готов, то ты слинять хочешь?! Не получится!

– А я думал, что...

– Индюк думал, да в суп попал, – в свою очередь перебил друга Шимон. – В общем, честно тебе скажу, таких девчонок, как Илона, я никогда не встречал!

– Погоди, – Ярослав уставился на друга неморгающими глазами. – Я тебе про селёдку, а ты мне про баню.

– Какую баню? – искренне удивился Шимон.

– Тьфу на тебя, влюблённый пингвин, – скривился Ярослав. – Что случилось, когда Илона открыла очередной кувшин?

– Я её отважился поцеловать.

– А потом?

– Потом она отважилась заехать мне по уху.

– Замолчи! – Ярослав даже замотал головой и обхватил голову руками. – С тобой всё ясно: ты в очередной раз невозвратно, как тебе кажется, влип, то есть попал в силки, которые расставляет любая женщина, хочет она этого или не хочет. Ты конкретно влюбился, а она?

– Она съездила мне в ухо и сказала, что не время и не место.

– Правильно сделала, – согласился Ярослав. – Но я вовсе не о том. В новом кувшине были какие-нибудь документы?

– Конечно, были, – кивнул Шимон. – Илона как всегда открыла один из свитков, уткнулась в него, примерно час что-то выписывала, потом бросилась ко мне и поцеловала...

– Сама? – озадаченно спросил Ярослав. – А ты, как настоящий избранный настоящего избранного народа тоже съездил ей по уху?

– Идиот! – взорвался Шимон. – Просто Илона обрадовалась, что в этом кувшине хранятся не апокрифы, не уставы и хозрасчётные документы, а дневники самого Иисуса Христа.

– Что? – захрипел Ярослав. – Чьи дневники?

Для Ярослава эта новость действительно была столь важной и необыкновенной, что неожиданной хрипоте в голосе не приходилось удивляться. К счастью, это не задержалось надолго. Хлебнув аперитива, откашлявшись и украдкой взглянув на Шимона, уничтожающего свой «Бурбон», Ярослав снова постарался осторожненько возвратиться к дневному происшествию:

– Послушай, дружище. Что, говоришь, у вас там произошло?

– Илона меня тоже поцеловала. И очень страстно. Но это не был поцелуй влюблённой женщины.

– Ну, вот опять! – сплюнул Ярослав. – Кто про что, а вшивый про баню!

– Что ты привязался ко мне со своей баней, – взвился Шимон. – Нету в Израиле никаких русских бань и не предвидится! Если желаешь кому-то мозги припарить, езжай назад, в Россию!

– Ты забыл к этому добавить – «москаль поганый», – усмехнулся Ярослав. – Я же не против твоей влюблённости. Влюбляйся, сколько хочешь, но дела на безделье не меняй. Что там Илона говорила про дневники?

– Говорит, очень похоже, что эти свитки сам Иисус Христос писал. Но мало ли таких свитков во всём дошедшем до нас историческом наследии?! Пруд пруди – я уверен. Так что ничего нового, скорее всего, там нет, и не ожидается.

– Погоди-ка, – Ярослав попытался чётко выговаривать слова, чтобы до Шимона дошёл смысл сказанного. – Погоди-ка, а раньше Илона радовалась так при прочтении какого-либо документа и бросалась ли с поцелуями ко мне, к тебе или к кому-нибудь из лаборантов?

В рухнувшей на ночной столик тишине ясно сквозили ещё не мучившие нового «влюблённого пингвина» бытовые вопросы. Лишь из другого конца кафетерия, где стоял музыкальный автомат, доносилась какая-то музыка в стиле французского шансона, разбавляя тем самым немудрёные думы, посетившие голову Шимона.

– Ты, вероятно, не в курсе, – продолжал Ярослав, – но нигде и никогда не выплывали на историческую арену манускрипты, сочинённые самим Сыном Божиим. И ни на одном апостольском свитке нет фразы, подписанной Иисусом, дескать, с моих слов записано верно и мною прочитано. Так что не зря Илона подарила тебе неожиданный поцелуй. Если она не ошиблась, то эти пергаменты пока что единственные в мире, через которые Сын Человеческий решил связаться с нами. Чувствуешь, чем пахнет?

При этих словах Шимон сделал гримасу, будто действительно нюхал воздух. Ярик улыбнулся, видя это, но ни слова не сказал. На лице Шимона наоборот играли все мыслимые и неизведанные ещё соображения, воспоминания и выводы. Наконец, столкновение стихий нашло выход во фразе:

– Значит, она не меня любит, а... Тьфу ты, я хотел сказать, что эта находка прославит нас всех. Как считаешь?

– Именно так, – кивнул Ярослав. – Но запомни, что ты для Илоны являешься частью находки мирового значения. И если не желаешь снова угодить в лапы женоненавистничества, то надо всего лишь утвердить в женском сознании истину, что без тебя у неё ничего бы не получилось, что дальнейшая жизнь будет складываться только в твоём присутствии. Если она в этом уверится, то сама тебя никуда не отпустит. А сам ты захочешь ли этого к тому времени? Насколько я помню, женщинам удавалось пленить тебя только до утра. На большее у них сил не хватало. А скорее всего, утром у тебя на роже всегда присутствовала еврейская скотская улыбочка, так что девочки уносили ноги и радовались, что дешёво отделались.

– Скажешь тоже, – отмахнулся Шимон. – Но если уж на то пошло, то я всегда с тебя пример брал. Вспомни свою подленькую поговорку, мол, наше дело не рожать, сунул, вынул и бежать.

– Из тебя хороший ученик получился, – не растерялся Ярослав. – И с этой, навсегда пленившей твоё сердце, то же самое получится. Так что выкини из башки свои любовные бредни и не мешай нашей работе.

– Нет, ты ничего не понимаешь, – возразил Шимон. – Мне хочется окунуться в её волосы, вдыхать тонкий аромат женского тела. Хочется целовать каждый её пальчик, заглядывать в глаза и шептать на ушко какие-нибудь глупости. Хочется любоваться её походкой, слушать, как она говорит, и знать какие мысли рождаются в её изящной головке под аккуратно постриженной каштановой шевелюрой.

– «Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе! – в тон приятелю подхватил Ярослав. – Со мною с Ливана, невеста! со мною иди с Ливана! спеши с вершины Аманы, с вершины Сенира и Ермона, от логовищ львиных, от гор барсовых! Пленила ты сердце моё, сестра моя, невеста! пленила ты сердце моё одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей. О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста! о, как много ласки твои лучше вина! и благовоние мастей твоих лучше всех ароматов! Сотовый мёд каплет из уст твоих, невеста; мёд и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана! Запертый сад – сестра моя, невеста, заключённый колодезь, запечатанный источник: рассадники твои – сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами, нард и шафран, аир и корица со всякими лучшими ароматами; садовый источник – колодезь живых вод и потоки с Ливана. Поднимись ветер с севера, принеси с юга, повеи на сад мой, – и прольются ароматы его!...».³³

– Именно так, Ярик! – обрадовался Шимон. – Я до сих пор восхищаюсь твоей памятью. Ты ведь Песню Песней Соломона процитировал, так? Но всё равно, как раз во время и к месту!

---

³³ Библия. Откровения Соломона, «Песня песней».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.